Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 55 2007 г. По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОСЛАНИЯ

КРЕСТ ПРИЗЫВАЕТ НАС К ПОКАЯНИЮ
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

«СЛОВО ПЛОТЬ БЫСТЬ»
Слово на Рождество Христово

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О чести и благородстве истинных христиан»

ОН СЛАВИЛ ХРИСТА БЕЗПРЕСТАННО
Епископ Николай (Никольский)

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с кавказским пустынником: «О современном монашестве»

С КРЕСТОМ И ЕВАНГЕЛИЕМ
Из воспоминаний о старице схимонахине Антонии

ЖИВАЯ ВОДА ПРОМЫСЛА БОЖИЕГО
«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

Рождественское послание

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, боголюбивые пресвитеры и диаконы, честные иноки и инокини, подвигом добрым подвизающиеся (2 Тим. 4, 7), и все в ограде церковной пребывающие православные христиане! «*Благодать и мир вам да умножится в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего*» (2 Пет. 1, 2).

С сердечной радостью поздравляю всех вас с великим праздником — Рождеством по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа!

В эти святые дни мы вновь молитвенно переживаем величайшее событие человеческой истории. В великом смирении Своем Господь пожелал прийти на землю в образе человеческом, и родился Он не в богатом дворце, не в жилище сильных мира сего, но в убогом вертепе посреди пустыни. Первыми узнали о Рождестве Христовом не цари и вельможи, но простые пастухи, которые пасли стада неподалеку от Вифлеемской пещеры. Именно к ним, простецам, были обращены ангельские слова, возвестившие миру о начале новой, христианской эры: «*Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родился вам в городе Давидове Спаситель, Который есть Христос Господь*» (Лк. 2, 10-11).

Дорогие мои! Вслушаемся в ангельское благовестие: «Я возвещаю вам великую радость!» Мы часто забываем об этой вечной, нетленной радости, ибо живем в мире, пораженном грехом и смертью, в котором мы страдаем от болезней и немощей, подчас переживаем разлуку и горе,

Простре земля плещи своя, и приемлет приемлющаго Зиждителя, славу от ангел, от небес же звезду; от пастырей хваление, от волхвов же дары, и от всего мира познание.

Тропарь 3-й песни канона на повечерии предпразднства Рождества Христова

сталкиваемся с насилием и жестокостью. Но вера наша научает нас даже посреди житейской скорби

хранить в сердцах своих и возвещать всем людям ту радость, которая пришла к нам Свыше и о которой в Евангелии сказано, что никто ее не отнимет у нас (Ин. 16, 22).

Бог, пришедший к нам в образе младенца, желает, чтобы сердце наше стало пещерой и яслями, где Он почивает, а в душе вечно раздавалось ангельское славословие: «*Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!*» (Лк. 2, 14). Чудо и сила христианской веры в том, что эта «радость великая» даруется нам сегодня во всей своей полноте, так же, как и две тысячи лет тому назад. Мы не вспоминаем — мы празднуем Рождество Христово, потому что оно, совершившись однажды, вечно наполняет людей миром и радостью!

Господь Иисус Христос — всегда в центре нашей жизни и нашего свидетельства миру. И Церковь наша не перестает идти путем, начертанным ей Самим Богом, проповедуя спасительное учение Христово, «*да уверует мир*» (Ин. 17, 21).

Наша радость, наша вера, наша молитва, наши добрые дела — все, что должно составлять жизненный подвиг православного человека, — пусть свидетельствует о Христе ближним и дальним, пусть делает нас солью земли и светом мира (Мф. 5, 13,14), просвещающим всех, кто ищет истины, любви и чистоты.

Возлюбленные! Прошедший год стал для нас годом благости Господней. Милостию Божией продолжилось успешное устроение церковной жизни в России и иных странах, куда простираются забота и пастырская ответственность нашей Церкви. Наш народ все больше возвращается к отеческой вере. Во многих городах и весях дети и отроки постигают знания о православной вере и культуре. Храмы наполняются прихожанами всех возрастов и родов деятельности. Миллионы людей молятся Богу, читают духовную литературу, участвуют в делах церковных.

Видимым знаком благоволения Божия к нашей Церкви стало принесение в ее пределы десни-

цы святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Многие чада церковные получили благословение от руки, некогда возложенной на главу Спасителя при Его Крещении. Нашу страну посетили и великие святыни, хранящиеся на Святой Горе Афон, — честная рука святой равноапостольной Марии Магдалины, частицы Животворящего Креста Господня и мощей святого мученика Кирика. Множество верующих, поклонившихся этим святыням, получили от них помощь и утешение.

Важной вехой церковной жизни стало празднование в прошедшем году 300-летия Успенской Саровской пустыни — места подвигов преподобного Серафима Саровского. Юбилей был ознаменован восстановлением монашеской жизни в этой прославленной обители. Отныне под сводами некогда разоренных, а теперь восстановленных храмов вновь будет приноситься Бескровная Жертва «о всех и за вся».

В завершившемся году Господь сподобил меня вновь побывать на дорогом моему сердцу Валааме. Отрадно, что в древней северной обители возрождается скитская жизнь. Новым свидетельством этого возрождения стали совершенная нами закладка камня в основание храма во имя святого равноапостольного князя Владимира во Владимирском скиту и освящение храма Воскресения Христова в Воскресенском скиту.

Возлюбленные о Господе братья и сестры! Обращаю к вам слова апостола: *«Духа не угашайте. Пророчества не уничижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла. Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа»* (1 Фес. 5, 19-23).

Еще раз поздравляю всех вас с великим, мироспасительным праздником Рождества Христова и Новым, 2007 годом. Да подаст всем вам Господь Спаситель Свою милость, да спасет и сохранит Он всех в земном странствовании и удостоит радости общения с Ним в жизни будущего века. *«И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны»* (Кол. 3, 15).

АЛЕКСИЙ

Патриарх Московский и всея Руси
Рождество Христово
2006/2007 года
г. Москва
(печатается в сокращении)

Рождественское послание

Епископа Липецкого и Елецкого НИКОНА

Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный.

Ин. 3, 16

Возлюбленные о Господе отцы, братья и сестры!

В этот святой и радостный день поздравляю вас с великим и светлым праздником Рождества Христова!

Со смирением и трепетом предстоим мы ныне перед вертепом Богомладенца и восклицаем: *«Нас бо ради родился Отроча младо, Превечный Бог»* (кондак праздника).

Бог принес Себя в жертву за всех людей. Сын Божий пришел, чтобы люди, которым угрожала погибель, уверовали в Него и через это получили спасение. Рождество Христово было началом спасения человечества.

Люди, удалившиеся от Бога по своей греховности, из-за самолюбия и гордости, смогли познать Божественную истину через откровение от Самого Бога. Бог послал к нам Врача душ и телес — Единородного Сына Своего, Который благоволил принять образ раба и вочеловечился, жил вместе с нами и терпел все наши немощи, чтобы возвести наше падшее естество от земли на Небо. В бедном вертепе Господь наш Иисус Христос родился от Пречистой Девы Марии непостижимо и неизреченно в царство римского кесаря Августа, и *«повинуясь кесареву повелению, Христе, Ты вписался в число рабов, и нас, рабов врага и греха, сделал свободными»* (канон 1 Рождеству Христову, песнь 5).

Но Божественная слава Богомладенца не утаилась в ночном мраке, в вертепе, в яслях и пеленах. О рождении Спасителя тотчас узнали на земле. Вифлеемским пастухам явился Ангел и

сказал: «*Се бо, благовествую вам радость велию, яже будет всем людям, яко родился вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь... и се вам знамение: обрящете Младенца повита, лежаща в яслех*» (Лк. 2, 9-12).

Праздник Рождества Христова, дорогие братья и сестры, поучает нас святой жизни. Своим вочеловечением Бог вступил в благодатное сродство и братство с нами, и нам нужно быть достойными этого высокого вечного общения и союза. «Кто является в день Рожества Христова нечистым и осквернённым, — говорит святитель Амвросий Медиоланский, — тот не чтит Рожества Христова, тот хотя телом и присутствует при торжестве Господнем, но духом своим далек от Спасителя, ибо нечистый не может иметь общения со Святым, скупой с Милосердым, растленный с Девственным» (слово на день Рожества Христова).

Однако современный мир все сильнее и сильнее увлекает нас богатством и славой, властью и свободой, привлекает всяческими удовольствиями и наслаждениями, чтобы сделать нас рабами греха. Самым страшным, самым губительным является забвение и отвержение внутренней духовной жизни — жизни по евангельским

заповедям. Да даст нам Господь силы устоять против искушений и поможет во всех наших благих делах и начинаниях.

В минувшем году наша епархия пополнилась священнослужителями. В новом здании разместилось епархиальное управление, Липецкая православная гимназия. Освященные колокола на отреставрированных и возведенных храмах вновь созывают на молитву. Возрождается духовная жизнь. Традиционно проводятся Свято-Тихоновские Задонские чтения, богословские конференции и семинары. Тесное сотрудничество с руководством области и города приносит добрые плоды: возводятся новые храмы, часовни, облагораживаются святые источники, устанавливаются поклонные кресты, совершаются крестные ходы...

Дорогие братья и сестры! Велика жертва Бога, пришедшего в мир и распятого за каждого из нас. И дай нам Бог приобрести крепкую веру в Рождшегося Богомладенца! Будем думать о вечности, о том, что неминуемо, о том, к чему мы приближаемся каждое мгновение, ибо ради нас родился Отроча Младо — Превечный Бог.

С праздником!

НИКОН

Епископ Липецкий и Елецкий
Рождество Христово
2006/2007 года
г. Липецк

Крест призывает нас к покаянию

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Христо-Рождественский собор, г. Липецк, 27 сентября 2006 г.

С праздником, отцы, братия и сестры! С замечательным праздником Воздвижения Креста Господня! «*Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых — сила Божия*». (1 Кор. 1, 18). Да, те, кто не верит в Бога, считают, что все поклоняющиеся кресту — юродивые. Но если бы неверующие знали эту *силу Божию*, то они никогда бы не расстались с крестом. Если силы вражии трясутся и трепещут, не смея взирати на крест (а уж эти демонские силы, как сказал преподобный Серафим Саровский, могут одним своим коготком перевернуть наш земной шар), то вы представляете, какая великая сила трепещет и трясется, не смея и видеть этого креста!..

Есть множество примеров, когда святые ограждали себя крестом, и демоны не могли ничего с ними сделать. Возьмем, например, событие из жития Константина Великого, православного царя: когда он шел войной на Максентия, то увидел на небе светлый, яркий крест и слова внизу: «Сим победиши». И мы знаем, что им то он и победил.

Крестом мы побеждаем свои страсти. Крестом мы побеждаем свои пороки. Крестом мы побеждаем свои греховные увлечения. Когда мы крестимся и говорим: «Господи, благослови», — поверьте: все доброе мы совершим, а все, что задумали злое — нет. Господь не допустит. Сила Животворящего Креста не даст возможности исполнить задуманное.

Мы живем все под крестом. И сейчас мы находимся под крестом. И когда уйдем в вечность — мы и там под крестом. Везде крест. Посмотрите, что происходит, если человек не хочет находиться под крестом.

Как-то ко мне на прием пришли три женщины, они сильно плакали и скорбели, потому что их родные ушли из этой жизни сами, наложив на себя руки. А самоубийцы находятся уже не под крестом. Их близкие и рады были бы что-то сделать для них, но уже ничего не могут. Это самое страшное, когда мы уходим от Бога и не хотим быть под крестом, начинаем жить по своей воле. А такая жизнь приносит горькие плоды.

Крест, на котором был распят Господь наш Иисус Христос, призывает нас всех к покаянию: чтобы мы попросили прощения у Бога за то, что наши предки, распяли Христа. Мы можем сказать, что мы, мол, не виновны — нас в то время не было, мы в этом не участвовали... Но святые отцы говорят, что тот, кто живет сейчас неправедной жизнью, он вновь и вновь распинает Христа.

Теперь в нашей стране идет российское движение покаяния. Но при этом нас, священнослужителей, сейчас обвиняют в том, что мы призываем покаяться за убийство Царских страстотерпцев и мучеников. «Мы же, — говорят, — их не убивали! Почему мы должны каяться?!» А мы же не распинали Христа — почему мы должны каяться пред Богом за то, что мы вновь и вновь своей жизнью, своими страстями и пороками Его распинаем? Все мы виновны. Частичка наших грехов и сейчас привносит ту дисгармонию, которая происходит в мире.

Современная жизнь изобилует войнами, насилием, убийствами. Вы не думайте, что виноваты в этом только террористы, а мы ни причем.

Если эти нестроения происходят в мире, значит, мы не молимся, не просим Бога, чтобы Господь послал мирную жизнь всем людям на земле. Мы думаем, что нам не придется отвечать за то, что столько людей сейчас погибает. Так думал и преподобный Ефрем Сирин, когда его вместе с ворами посадили в темницу. Те украли овец, а он недоумевал: «Почему я оказался в этой темнице? Я-то невиновен!» Но ему был голос: «А ты подумай: может быть, и ты виновен?» Когда он задумался, то вспомнил, что у одной вдовы, когда он открыл дверь двора, корова ушла в лес, и ее волки растерзали. И тогда он говорит: «Да, по делам я здесь...»

Так же и мы можем вспомнить, сколько совершили беззаконий, убийств, прелюбодеяний. Да и сейчас у нас постоянное неверие Богу, пренебрежение к Его заповедям. Мы улыбаемся и говорим: «Да, что там это «не убий»!... Что там какая-то жизнь вечная!..» И многие в том сомневаются.

Крест Христов напоминает нам, что каждый человек несет свой крест. У России так же свой крест. Составляющие этого российского креста — наши кресты. И если мы, каждый из нас, несем свой крест, значит, и российский крест будет легче. Если же мы оставили свои кресты, тогда и на нашу Родину, Россию, на Церковь Божию воздвигается очень тяжелый крест, и под этим крестом мы плачем, скорбим, мы в изнурении живем: «Почему же такая тягота? Почему такое нестроение, озлобление, ненависть друг ко другу? Почему же это все у нас?» Да потому, что единицы остались тех, кто терпеливо, без ропота несет свой крест. Остальные стараются избавиться от этого креста, хотят этот крест кому-то другому поручить — мол, неси ты, мне и так тяжело. Так ведь бывает в нашей жизни. И тому можно привести множество примеров.

Игумен одного монастыря постоянно молился и просил: «Господи, благослови, чтобы, где буду я, там были бы и братия!» Однажды этого игумена пригласили в соседний монастырь на престольный праздник. Он послал туда свою братию. По пути братия встречает болящего человека, который говорит им: «Помогите мне». Они отвечают: «У нас нет ни осла, ни носилок — как мы тебе поможем?!» — и проходят мимо. После них идет и он — старец, игумен этого монастыря. Увидел болящего и спрашивает его: «А разве братия не проходили?!» «Да, они прошли и сказали, что не на чем донести меня — ни осла нет, ни носилок...» Тогда он говорит: «Тогда я тебя понесу!» — и берет его на спину. Тот уговари-

вает его оставить, но игумен непреклонен. Уже подходя к монастырю он понимает, что он не чувствует тяжести: мгновение — и никого не стало, только голос был: «Если хочешь, чтобы братия были с тобою, пусть они поступают так, как ты поступаешь».

Если хочешь, чтобы Господь помог твоим чадам, пусть они поступают так, как и ты: ходишь в храм, причащаешься, молишься и дома исполняешь молитвенное правило. Сейчас у многих молитвословы и другие книги лежат на видном месте, как бы просят: «Возьми, почитай меня! Побеседуй через меня с Богом!» Если хочешь, чтобы Господь помог семье — детям, внукам — так ты наставь их, чтобы они жили той же жизнью, что и ты живешь.

Наша жизнь — это крест. Крест призывает нас к покаянию. Некоторые говорят: «А в чем мне каяться? Я никого не убивал, я не совершал никаких тяжких грехов — в чем я должен каяться?!» Так вот тот, кто это говорит, пусть подумает: а сколько, может быть, по его вине человеческих душ ушли из этой жизни без покаяния, без соединения с Богом? Сейчас, бывает, от священников услышишь: «В чем нам каяться?» Да хотя бы посмотрите: храм разрушенный, одни останки остались от монастырей, храмов, часовен — разве мы в этом не виноваты? Мы своей жизнью создаем такое состояние в мире: неверия, святотатства, кощунства — создаем все условия для пришествия царя мира, которому не нужно покаяние. Он наоборот, скажет: «Ешьте, пейте, веселитесь!» — и по-началу даст большое изобилие всем. И тогда очень многие люди примут его как царя, как бога.

Так вот, дорогие, прежде чем он придет, нужно крест убрать. Как его убрать с купола? Да создать здесь мерзость и запустение. А откуда придет эта мерзость и запустение? От «новостарцев» или «младостарцев», как называет их Святейший Патриарх Алексий II. Они учат, наставляют, диктуют — уже по-новому, не так, как сказано в Священном Писании и творениях святых отцов. Они уже свою доктрину нам предлагают, свое учение, чтобы создать фундамент, который стал бы твердой опорой их жизни. То же самое было и во всех сектах, в других конфессиях, когда они начинали выдвигать свое учение — и люди шли за ними, говоря: «Это что-то новое! Да там лучше, там вот видите как... Допустим, у баптистов: там не курят, не пьют! Посмотри, какая у них глубокая вера! А у нас что — кругом отступление, кругом поношение и Бога, и Его Святаго Духа, Его Креста...»

Так вот, дорогие, мы чувствуем и видим, что *«оскуде преподобный»*: все меньше и меньше людей, которые молятся, которые сердцем, а не устами только любят Бога. Старое поколение уходит, а молодое живет своей жизнью, своими идеями...

Дорогие, Господь дал нам крест Свой, чтобы он помогал нам в нашей жизни, чтобы он был путеводителем и в жизнь вечную. Для нас крест — это сила Божия, которая и помогает нам выжить. Через него Россия выжила в страшные годины лютых гонений, прещений, репрессий, унижения, оскорбления, уничтожения. Она выстояла — и вновь у нас на этом храме крест воссиял! И вновь храмы сияют золотыми куполами, и мы приходим сюда и благодарим Господа за Его великие благодеяния к нам, грешным. Ему слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

Я Россию как мать обнимаю,
Всей душою, всем сердцем любя.
И родимой ее называю,
В мир земной Бог явил здесь меня.

И душа неразлучна с рожденья
С ненаглядной ее красотой.
В рощах нежное птиц щебетанье
И кузнечиков треск под луной.

На закат золотой я взираю —
Ослепительный он, неземной.
И в просторах полей утопаю,
В синь небес погружаюсь душой.

Как же мне не болеть за Россию,
Как же мне за нее не молить,
Как не встать перед черною силой,
Что ползет к ней, ползет задушить.

Ты восстань ото сна, Русь Святая!
Развернись широтою плеча,
Распахни свои синие очи,
Приклони к милосердью Творца.

Не должна ты, родная, погибнуть,
Мы все дети твои, ты нам — мать.
Как же можно в беде тебя кинуть,
О прощеньи к Отцу не взывать?

О народ! Упади на колени,
Кайся слезно, моли Небеса,
Только в этом твое есть спасенье.
Поспеши же... Грядет гнев Творца!

Юлия Юрик, К.Ч.Р.,
Зеленчукский р-он, п. Н. Архыз

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

"Слово плоть бысть" (Ин. 1, 14)

(Слово на Рождество Христово)

Воздадим славу Богу! С пришествием на землю Сына Божия в плоти, по принесении Им Себя Самого в жертву за грешный род человеческий, вместо проклятия, которое было изречено вначале Богом, людям верующим даруется благословение Отца Небесного; они получают усыновление и обетование вечного наследия жизни. Сиротствующему по причине греха человечеству снова возвращается Отец Небесный чрез таинство возрождения, т.е. чрез крещение и покаяние. Люди избавляются от мучительнейшей, смертоносной державы диавола, от терзаний греха и всяких страстей. Человеческое существо обожается ради безмерного милосердия Сына Божия, и ему семьдесят крат седмерицею отпускаются грехи. Грешники помилованы, нечистые очищаются, осквернённые освящаются, немощные исцеляются, обесчещенным даруется безмерная честь и слава, омраченные просвещены божественным светом благодати и разума. Уму человеческому дан разум Божий. *Ум Христов имамы*, — говорит св. апостол Павел (1 Кор. 2, 16). Человеческому сердцу дано сердце Христово; тленное стало безсмертным; нагое и израненное грехом и страстями украшено божественною славою; гладное и жаждущее насыщено и утолено питающим и укрепляющим душу словом Божиим и пречистым Телом и божественною Кровью Христовою; безутешные утешены, насильствованные от диавола избавлены и избавляются.

Что же от нас, братия, требуется, чтобы воспользоваться всею благодатью, принесенной нам свыше на землю Сыном Божиим? Нужна вера в Сына Божия, в Евангелие, или в спасительное небесное Учение; истинное покаяние в грехах и исправление жизни и сердца; общение в молитвах и таинствах; знание и исполнение заповедей Христовых. Нужны добродетели: христианское смирение, милостыня, воздержание, чистота и непорочность, простота и незлобие сердца.

Рождество Христово.
Икона первой половины XV века

Принесем эти добродетели, братья и сестры, в дар Родившемуся ради нашего спасения, вместо злата, ливана и смирны, которые принесли Ему волхвы, как Царю, как Богу и как Человеку, пришедшему на смерть за нас. Это будет приятнейшая от нас жертва Богу и Младенцу Иисусу Христу. Аминь.

Слово стало плотью, т.е. Сын Божий, собезначальный Богу Отцу и Духу Святому, соделался человеком, воплотившись от Духа Святого и Марии Девы. Дивное, ужасное и спасительное таинство! Безначальный принял начало по человечеству, безтелесный стал плотоносцем, Бог — человеком, не переставая быть Богом; Неприступный, Которого трепещут Серафимы и Херувимы, лица закрывая, — для всех доступным в зраке раба.

Отчего и для чего же такое снисхождение Творца к преступным Своим тварям, к человечеству, которое по своей воле отпало от Бога, своего Творца? По величайшему, неизглаголанному милосердию Владыки к Своему созданию, Который не мог видеть весь род человеческий, Им созданный, наделенный дивными дарами, порабощенным диаволу и навеки обреченным на страдания и муку. И Слово стало плотью!... Для того, чтобы нас, земных, сделать небесными, грешных — святыми; чтобы от тления возвести к нетлению; от земли — на небо; от рабства греху и диаволу — в славную свободу чад Божиих; от смерти — к безсмертию, чтобы нас сделать сынами Божиими и посадить на престол, как царских детей. О, безмерное благоутробие Божие! О, неизреченная премудрость Божия! О, чудо, ужасающее ум не только человеческий, но и ангельский!

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово восемнадцатое

О чести и благородстве истинных христиан

Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди обновления (1 Пет. 2, 9).

Возлюбленные христиане! Когда думаю, какой честью сподобил человека Господь, не могу в полной мере надивиться благости Божией и Его человеколюбию к нам, и, рассуждая об этом, с пророком не воскликнуть: *Господи, что есть человек, что Ты открылся ему? Или сын человеческий, что Ты помышляешь о нем* (Пс. 143, 3)? Честь и благородство, которых людей, истинных христиан, удостаивает Человеколюбивый Господь, так велики и высоки, что это не только описать, словом изъяснить, но и умом понять невозможно. *Вы — род избранный, царственное священство, народ святый, люди обновления* (1 Пет. 2, 9), — говорит истинным христианам апостол. Отсюда видим непостижимую благость и человеколюбие Божие к человеку.

Но посмотрим и представим внутренним нашим очам честь и благородство христианское, да тому поревнуем и с усердием поищем того. Откройте же слух душ ваших и послушайте слово об истинных христианах:

1) Они называются и есть чада Божии. Что преславнее этого имени для человека? Этому достойно удивляется апостол Христов и с восхищением говорит христианам: *Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими* (1 Ин. 3, 1). Поэтому и молятся христиане Богу, как Отцу своему, и единый глас к Нему возносят: *Отче наш, Иже еси на Небесех,* — и прочее. О чудо! Грешники Пресвятому Богу говорят: *Отче наш,* — и прочее. О великое благородство и честь наша, и утешение, возлюбленные христиане! Отец Единородного Сына Божия — наш Отец, Его Бог — наш Бог, как говорит Он Сам к великому нашему утешению: *Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20, 17).

2) Истинные христиане имеют тесный союз и общение с Отцом и Сыном Его Иисусом говоря: *Наше общение — с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом* (1 Ин. 1, 3). Насколько это велико, сами можете видеть. За нечто великое люди считают дружбу и общение с земным царем, насколько несравнимо большая честь — иметь общение и дружбу с Богом, Который есть *Царь царствующих и Господь господствующих и обитает в неприступном свете* (1 Тим. 6, 15-16)! О, как превосходны благость и человеколюбие Божие! Смотрите и видите, христиане, благородство и достоинство христианское: они общение имеют с Богом, Великим и Непостижимым. Господи, превыше всякого слова и ума умножилась удивительная благость Твоя и человеколюбие к падшим и бедным людям.

3) В истинных христианах, как в храмах одушевленных, любезно обитает Небесный Бог, Отец и Сын и Святой Дух. Об этом говорит Господь: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Что может быть честнее и благороднее той души, в которой Бог Триипостасный любезно и благодатно обитает? Почетно людям принять царя земного в свой дом, но несравненно почетнее принять в дом души своей Царя Небесного, и иметь Его, живущего в ней. И что блаженнее может быть той души, в которой, как в храме Своем, живет Бог? В ней — рай сладости и радости, в ней — Царство Божие. О блаженство! О достоинство! О благородство души христианской! Любезное, Безначальное, Безконечное, Преблагое и несозданное Естество — Бог — лучше изволяет жить в святой христианской душе, чем на Небе или в ином каком храме. О Преблагий и любезный Боже,

Творче и Создателю наш! Приди и посети озлобленные души наши, души, по образу и подобию Твоему Тобою сотворенные!

4) Истинные христиане — это духовные члены пренебесной Главы — Христа, Царя царствующих и Господа господствующих. Об этом говорит апостол: *Мы члены Тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30). Святые христианские души, возведите очи ваши и посмотрите, где ваша Глава сидит? Одесную Бога, во славе Отчей. Кем почитается и поклоняется? Ангелами и Архангелами, и всеми небесными Силами и всеми тварями. *И Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2, 9-10). Вы духовные члены этой превознесенной Главы. Прославляется Глава, к славе ее и члены ее приобщаются. Вот слава истинных христиан, вот их благородство и достоинство! Они — духовные члены превознесенной Главы — Иисуса Христа.

5) Души истинных христиан обручены, как невесты, с Бессмертным Женихом Иисусом Христом. Об этом свидетельствует апостол: *обручил вас*, христиане, *единому Мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11, 2). Тайна эта велика. Прославлен жених — к славе его приобщается и невеста его. Что прославленнее и благороднее Иисуса, Сына Божия? Что благороднее и дороже и души христианской, Ему в невесту обрученной?

6) Истинные христиане — наследники Божии, *сонаследники же Христу* (Рим. 8, 17), им принадлежат вечное и небесное царство и все блага: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

Все эти и другие имена и титулы истинных христиан, которые приписывает им Дух Святой. Итак, видите славу и благородство христианское. Вся слава мира сего пред этим как гной и мертвечина. Познайте же, что нет никого благороднее и славнее истинного христианина. Это благородство и славу заслужил нам Иисус Христос, Сын Божий, Своим страданием и смертью, подает их Небесный Его Отец, совершает Дух Святой, получает их истинное покаяние, сопряженное с верой. Это благородство и слава здесь, в мире сем, приобретается или погубляется. Приобретается истинным покаянием и верой, а погубялется нераскаянием и неверием.

О вы, ищущие суетной славы мира сего, хвалящиеся и превозносящиеся своим благородством, своими именами и титулами! Обратите внутренние ваши очи на славу и благородство христианское, и его поищите, чтобы быть истинно благородными и славными! Слава истинных христиан ныне не видна, а только верою постигается и познается. Откроется она в откровении чад Божиих. *Возлюбленные*, — говорит апостол, — *мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему* (1 Ин. 3, 2). *Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит* (Мф. 13, 43)! Аминь.

Он славил Христа безпрестанно

Епископ Николай (Никольский)

Весьма непростой оказалась в годы послереволюционные судьба почитавшегося в народе елецкого святителя — епископа Николая (в миру — Николая Николаевича Никольского).

Родился он 20 февраля 1879 года. В семье воспитывался в вере и благочестии. Обучение проходил в семинарии. По окончании курса был рукоположен во священника, служил в сане протоиерея в Воскресенской церкви города Орла. Известно, что в 1915 году он занимал должность делопроизводителя Орловского епархиального училища.

Уже накануне большевистского революционного переворота отец Николай поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Так что последние курсы, после закрытия Академии в 1918 году, пришлось заниматься фактически подпольно, на квартирах профессоров. Тем не менее, не убоявшись уже воздвигнутых гонений на Церковь, успешно завершил курс обучения в 1920 году со степенью кандидата богословия. По окончании обучения Никольский принял монашеский постриг с именем Николай.

С 9 октября 1921 до 19 июля 1926 года — епископ Елецкий, викарий Орловской епархии. Во епископа Елецкого хиротонисан в г. Орле епископом Серафимом (Остроумовым) 26 сентября (9 октября) 1921 г.

Новопоставленный архиерей с особым вниманием отнесся к ввe-

ренной его окормлению елецкой пастве, издревле славной укоренившимся своим благочестием. Особое попечение святитель Николай имел о сохранявшемся, несмотря на давление властей, Знаменском Елецком монастыре на Каменной горе. Многие из монахинь этой обители стали его духовными чадами. Даже находясь в заключении, он не оставлял архипастырских забот о каменногорской общине. Так, летом 1926 года сюда, в церковь во имя иконы Божией Матери «Знамение», был переведен его распоряжением диакон Николай Токарев.

Возможности прямого общения с паствой владыка Николай был лишен еще по весне 1922 года, когда он был арестован за агитацию против обновленцев. В июне 1922-го Орловский губревтрибунал приговорил Преосвященного к трем годам ссылки. И с 1923 года осужденный по произволу советской власти епископ пребывал в ссылке в городе Задонске, относившемся тогда к Воронежской губернии. Как сообщается, и здесь он «продолжал пользоваться широкой популярностью и большой любовью мирян».

С ноября 1924 года владыка Николай проживал в Москве. В столице и был вновь арестован в ноябре 1925 года. С момента ареста и по июнь 1926 провел в Бутырской тюрьме. Разделявший с ним тяготы заточения архимандрит Феодосий (Алмазов) оставил такие воспоминания: «В камере 69 Бутырской тюрьмы койки наши стояли рядом. Ночью проснешься, а святитель стоит на молитве. И так каждую ночь: удостоверяю. Православие его не в слове только, но и в деле... Паства любила его до самозабвения, это и причина, по которой его преследовали».

Преследовали и паству за любовь ко святителю даже тогда, когда его земная жизнь была окончена. Так, одним из пунктов обвинения осужденных в 1929 году по делу о «контртреволюционной группировке» в бывшем Задонском Богородицком монастыре было то, что они сохраняли переписанное от руки житие святителя Николая, коего почитали священномучеником. Как сказано в обвинительном заключении, у монахини Задонского Свято-Троицкого «Скорбященского» монастыря Смарагды (Ковшевой) «при обыске был обнаружен контрреволюционный труд неизвестного автора под названием "Жизнь епископа Елецкого Николая". Содержание этой вещи злостно критикует политику советской власти по

Епископ Елецкий Николай (Никольский)

отношению к религии и представляет смерть епископа Николая как "сплошные мучения от советской власти"». До дней сегодняшних это житие не дошло, пропав в чекистских архивах. Но сохранились, в частности, свидетельства, что владыке Николаю довелось пережить более 11 арестов.

А в 1926 году, после восьми месяцев тюремного заключения и изматывающих допросов, святитель Николай приговорен был к ссылке в Тверскую губернию. Там пребывал он в Антониевом Краснохолмском монастыре. В 1927-м был освобожден без права проживания в 6 главных городах СССР. С сентября 1927 года — епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии.

В 1927 году выразил несогласие с «Декларацией» Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и примкнул к так называемой «даниловской группе». Наименование течения "даниловским" происходит от Свято-Даниловского Московского монастыря, в конце 1920-х годов ставшего духовным центром оппозиции официальному руководству Русской Церкви, которое, спасая тело Церкви Христовой, вынуждено было избрать путь компромиссов с советской властью.

Как подчеркивает в своем труде «История Русской Церкви» протоиерей Владислав Цыпин, председатель Историко-правовой комиссии Русской Православной Церкви, «даниловцы» критиковали митрополита Сергия, воздерживались от возношения его имени за богослужением, в знак протеста подавали прошения об увольнении на покой, *но официально с Заместителем Местоблюстителя не порывали*. И многие из них позднее признали, что именно политика митрополитов Петра и Сергия сохранила для Церкви легальную возможность окормлять десятки миллионов верующих, большая часть которых не была готова к уходу «в катакомбы».

К сожалению, владыке Николаю не суждено было публично заявить о признании вынужденной необходимости этого тяжкого компромисса. Он скончался в Москве 21 апреля (4 мая) 1928 года. Погребен на Даниловском кладбище.

По кончине его духовные чада посвятили памяти владыки составленное ими безыскусное, но проникновенное стихотворение *«от детей всех, любовью горящих»*, где есть и такие строки: «Своих сил не жалел и служил всей душой Богу Господу ты неустанно; хоть епископский крест был и тяжек порой, но ты славил Христа безпрестанно».

И именно поэтому имя епископа Николая внесено было в раздел «Архиереи Русской Православной Церкви» «Санкт-Петербургского мартиролога духовенства и мирян», составленного и изданного в 2002 году под редакцией протоиерея Владимира Сорокина, председателя Комиссии по канонизации новомучеников, исповедников и подвижников веры и благочестия Санкт-Петербургской епархии.

Л. МОРЕВ

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 21

Из воспоминаний рабы Божией Анастасии, г. Таганрог

До личного знакомства с Батюшкой Виталием я очень много слышала о нем то от одной матушки, то от другой. Помню, например, раба Божия Зинаида рассказывала следующее. Отец Виталий (тогда он еще не был священником) приехал в Таганрог и зашел к ней. Муж ее тогда лежал в больнице. Отец Виталий ночами беседовал с Зиной, поучал ее. Она говорила, что они часто сидели с вечера до самого утра: «Я и не замечу, когда рассветет – всю ночь он рассказывает, – говорила она мне. – А днем я ходила на работу. И что удивительно: все равно бодрая была, веселая, хоть и ночь не спала!»

Как-то Зинаида, проведывая мужа в больнице, хотела рассказать ему про отца Виталия, начала было: «Знаешь, у меня есть друзья...» А тот сразу: «Женихи!» Так она и не стала ему ничего объяснять. Через некоторое время муж выписался из больницы, но Зину заранее не предупредил – думал, «женихов» дома застанет. Пришел домой, а у нее сидят отец Виталий и еще один молоденький священник. Батюшка потом Зинаиде сказал, как он прочел мысли мужа – тот был приятно разочарован: «Я думал, что здесь женихи, а они ж – дети!»

Говорили мне про отца Виталия и другие матушки. Мать Светлана все время рассказывала о нем, и сестра моя у него побывала... И мне тоже очень захотелось поехать в Грузию, чтобы самой его увидеть. Тем более, что когда сестра была у него, Батюшка всем раздавал рододендроновый мед, сестре дали маленькую бутылочку – она спросила: «Батюшка, а что я сестре повезу?» Он ответил: «А она сама приедет». Но поехать у меня все никак не получалось – я одна воспитывала двоих детей, работала на заводе, отпуск не давали. Тогда я пошла к начальнику и говорю: «У меня сын болеет, я возьму больничный на три дня. И еще на три дня дайте мне отгулы – за те дни, что я отработала раньше». Но начальник уперся: «Какие отгулы?! А кто за тебя будет работать? Три дня на больничном, да еще отгулы? Никаких отгулов!» Я вышла от него, а сама реву. Тут заходит секретарь, другие женщины и спрашивают меня: «Что ты плачешь?» Я отвечаю: «Сын болеет, а начальник не отпускает! Мне надо три дня больничного и три дня отгулов взять, пока ребенок выздоровеет, а он не дает!» Женщины говорят: «Чего ты ревешь? Есть больничный – бери. А отгулы мы тебе поставим. Иди».

И я отправилась на Кавказ, взяв с собой старшего сына Анатолия (он тогда маленький был). В Сухуми мне сказали, что отец Серафим уехал в Москву, а отец Виталий ушел в далекую пустынь. Я себя успокаиваю: «Ну, ничего. Я пойду сейчас в церковь, оттуда – на святую горку, с горки – на источник...» Но когда зашла в храм, такая на меня напала скорбь – просто невыносимая! Я плакала навзрыд. Сестры Алла и Лариса мне потом рассказывали: в это самое время они были у Батюшки в горах, и он сказал им: «Там одна душа кричит в Сухуми».

На следующий день я решила ехать домой и отправилась на вокзал за билетами. Кто-то из сестер поехал со мной. На вокзале у окошечка кассы стояли незнакомые мне парни. Одна сестра говорит: «Ой, это же ростовские ребята! Подойди к ним, спроси – может, они к Батюшке едут». Я подхожу – они меня сами спрашивают:

– Ты откуда?

Я отвечаю:

– Из Таганрога.

– А мы едем к Батюшке. Хочешь с нами?

Говорю:

– Конечно! Только я с дитем..., – быстренько съездила на такси за Толей, оставив у знакомых часть вещей, и поехала с ними.

И вот мы пошли в горы. Ребята несли сумки и продвигались довольно бодро, а я недавно перенесла тяжелую болезнь, хоть и шла налегке, все равно еле-еле за ними поспевала, идти было очень трудно. Сынишка радостно прыгал вокруг меня – ему все было в новинку.

Ребята оставили меня в ближней пустыни у матушек, сказав, что Батюшка недалеко. «Мы пойдем и скажем ему, что ты здесь». А я слышала, что когда Батюшка Виталий идет по горам, он толкает камушки вниз – они летят, шумят (Батюшка говорит, что они Бога славят...) Через некоторое время слышу: камни летят. Говорю: «Толя, скорей – Батюшка идет!» – и мы с сынишкой побежали туда, откуда слышали шум камней. Смотрю – идут четверо: Батюшка, Алла, Лариса и еще одна матушка, мне незнакомая. Тут я растерялась: ни благословение у Батюшки не взяла, не поклонилась – стою, плачу и все. Даже сло́ва не могла сказать. Незнакомая матушка спрашивает: «Почему она плачет?» А Батюшка говорит: «От радости». Конечно, радость была большая...

Зашли мы в келью. Уже вечерело. Батюшка отправил всех спать, а со мной начал беседовать. Поучал мало – больше исповедовал. Причем не я рассказывала ему, а он напоминал мне забытые или неисповеданные по ложному стыду мои грехи. Напоминал

он мне много – до самого утра мы беседовали. Потом говорит: «А теперь ты все эти грехи должна исповедать батюшке Серафиму, чтобы он разрешил тебя от них», – сам отец Виталий в то время еще не был иеромонахом. И что интересно: я тогда стеснялась перед священниками все свои грехи исповедовать, а после того, как отец Виталий так сказал, этот ложный стыд отошел.

Когда уже рассвело, Батюшка спрашивает меня: «А как же ты сюда приехала?» Рассказываю: «Да вот, начальник не отпустил, а я взяла и так приехала...». Он говорит: «Нет, так нельзя», – но сам хорошо помолился. Вернулась я домой, вышла на работу – по молитвам отца Виталия никто будто бы и не заметил, что я отсутствовала шесть дней!

С тех пор начала я к Батюшке ездить. Бывала обычно один-два раза в год. Каждый отпуск – обязательно.

Помню, у меня младшая дочь в восемь месяцев не становилась на ножки, и я очень переживала. Приехала к Батюшке, прошу его помолиться за нее. Батюшка помолился – и девочка исцелилась.

Однажды тяжело заболел сынишка – в детском садике простудился. Состояние становилось все хуже и хуже, и никто не мог нам помочь. Я хожу, плачу, волнуюсь. А мать Светлана мне говорит: «Да ты проси, проси Батюшку!» Я кричу: «Батюшка, помоги! Сын болеет, умирает!» Конечно, по его молитвам Толя выздоровел, но отец Виталий после прислал мне грозное письмо: «Я хотел забрать твоего сыночка, а мама его в рай не пустила. Теперь молись сама за него!» И вот как вышло: в детстве Толя был такой хороший, такой ласковый, послушный – думали, что монахом будет, а теперь, когда вырос, стал пьяницей, гонится за деньгами, за наживой, советов не слушает... Я молюсь за него, но он все пьет да пьет. Конечно, я теперь сожалею, что тогда так настойчиво просила Батюшку о его выздоровлении и не полагалась на волю Божию.

Когда я приезжала к отцу Виталию, то для того, чтобы встретиться с ним, мы приходили в хатку к Алеше – он был верующий, жил возле гор, иногда что-то предсказывал. Он очень болел – не мог даже сам себя обслужить – и все время сидел. Некоторые братья и сестры приходили убирать у него в доме, колоть дрова, готовить, работать в огороде – то одни, то другие. Вот у него-то в домике мы и ждали отца Виталия, когда он спускался с гор.

Однажды отец Виталий пришел и говорит: «Как у меня ноги болят!» А я в душе ему соболезную: «Ой, бедненький! Он же через речки ледяные переправлялся, столько пешком ходил – конечно, у него ноги будут болеть!» А когда вернулась домой, у меня перестали болеть ноги – Господь по Батюшкиным молитвам меня исцелил.

В другой мой приезд у меня очень разболелась голова. Когда мне было лет восемнадцать, ребята сильно ударили меня снежком, и с тех пор она начала болеть. Сначала вроде бы не особенно, а чем дальше, тем все хуже и хуже. Потом боли стали совсем невыносимыми...

И вот жду я Батюшку, наконец, он пришел – я, конечно, очень обрадовалась! Он садится на скамеечку, а я становлюсь перед ним на колени и хочу поцеловать у него ноги. Но он это провидел и быстро ноги убрал. А потом внимательно посмотрел на меня и говорит: «Надо сестре помочь», – и с тех пор голова у меня перестала болеть. Наверное, он взял мою боль на себя, потому что после этого часто ходил с перевязанной головой – она у него сильно болела.

После убийства отца Исаакия, отец Серафим благословил всем монахам сойти с гор. Мы были тогда у Алеши, и Батюшка с нами. Как-то вечером отец Виталий говорит: «Молитесь, потому что должны прийти "гости"». Все стали читать, кому что Батюшка благословил: кто Псалтирь, кто акафист. А в это время (мы только потом об этом узнали) дом окружали и хотели убить всех верующих. Но они не смогли этого сделать, отступили – не выдержали Батюшкиных молитв.

Когда Батюшке сделали операцию, мы ездили в Сергиев Посад его навещать. Мне запомнилось, как он рассказывал, что после операции он был как бы восхищен на Небо, видел святых. Говорил: «Святые на иконах не такие, какие они там, на Небе. В жизни они другие. И картины там не такие, как на земле: у нас зайдешь в музей, подойдешь к картине – и кто-нибудь тебе о ней рассказывает, а там подойдешь, смотришь на нее, а она сама о себе говорит»...

Рассказывал еще, что когда он умирал, то видел целебный куст, от которого во все стороны исходило что-то живительное...

Надобно всеми мерами стараться сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других. Для сего нужно всячески удаляться от мира и оскорбления переносить так, как бы они не вас касались. Для сохранения мира душевного должно всячески избегать осуждения других. Снисхождением к брату, молчанием также сохраним мир. Чтобы не впадать в осуждение, не надобно ни от кого принимать худых вестей.

Из писем схиархимандрита Виталия

Однажды отец Виталий помог мне избавиться от жадности. Я на деньги всегда была прижимистая, вечно все просчитывала: на дорогу надо оставить, туда-сюда... Денег вечно не хватало – я и прикидывала, где бы сэкономить. И вот приехала я проведать Батюшку в Загорск и рассказываю ему, что у нас два покойника – Василий и Петр – преставились почти в одно время. Отец Виталий говорит:

– Давай свечи – мы поставим за них.

Я спрашиваю:

– Большие брать или маленькие?

– Какие хочешь.

Мне стыдно, конечно, что я своих свечей не привезла, а беру батюшкины – и принесла ему свечи поменьше. Батюшка помолился, поставил их. Потом я пошла в монастырь на вечернюю службу. Стою и как бы дремлю. Вдруг вижу возвышенность, а на ней – Василий, и держит такую огромную свечу: размером выше его роста на полметра! И кланяется – благодарит, что за него свечи поставили. После службы я пришла к Батюшке и рассказала ему видение. Но еще не вразумилась, какие маленькие свечи я за него подала Батюшке – и какая большая свеча была у него на Небе.

Когда я возвращалась из церкви, то купила конфеты «монпансье» – маленькие такие. Приношу, а тут к отцу Виталию священник приехал с матушкой и с детьми. Батюшке нечего было им дать, он ищет, ищет, чем бы их угостить, а я говорю: «Батюшка, вот – есть подарок!» – и протягиваю ему эти конфеты. Он посмотрел: конфет было так мало, и такие они были маленькие!.. – мне до того стало стыдно, что я не знала, куда деваться.

После этого я пошла в магазин и все деньги, которые у меня с собой были, потратила Батюшке на подарки. А те, что остались, отдала отцу Виталию.

Воспитывал Батюшка во мне послушание. Приехала я к нему в Загорск, а на следующий день нас благословили отправиться в Тбилиси, потому что у схимитрополита Серафима были именины. Мне не хотелось ехать, так как послезавтра мне уже надо быть на работе. Одна из матушек говорит: «Какие вы счастливые! Вот нас не посылают в Тбилиси!» А я думаю: «Какие уж там счастливые: послезавтра уже надо быть дома!» А Батюшка тут как тут и говорит: «Вот если бы я поехал, то и ты с радостью поехала бы, а сейчас не хочешь. Поезжай!»

Когда отец Виталий поселился на Дидубе, я стала ездить к нему туда. Однажды Батюшка рассказывал что-то, говорил поучения. Все слушали стоя. Сестры стояли спокойно, а у меня вдруг с сердцем сделалось так плохо – думаю: «Ой, сейчас упаду!» Но было стыдно сесть или перебить Батюшку, чтобы спросить на это благословения. Вдруг отец Виталий замолчал, взял меня за плечи и посадил: он провидел, что мне стало плохо с сердцем.

Дома у нас рос крыжовник, но вдруг он начал болеть – по листьям пошла черная плесень. Я пробовала то одно, то другое средство, но ничего не помогало. Одна женщина посоветовала мне: «А ты облей его зимой кипятком – и все пройдет». Я собиралась последовать ее совету, но каждый раз забывала. Приехала к Батюшке, а он мне вдруг ни с того, ни с сего и говорит: «Ты кипятком не обливай кустарники, нельзя!» Насколько он все провидел!..

Велика была сила его молитвы, в чем я неоднократно убеждалась. Когда сын уходил в армию, то при прощании сказал мне: «Мама, наверное, я не вернусь – погибну». Я места себе не находила. И когда приезжала к отцу Виталию, постоянно его просила: «Батюшка, помолись за Толю!.. Батюшка, помолись!.. Помолись!..» Отец Виталий молился. А однажды в ответ на мою просьбу сказал: «Ну, хватит уже за него», – вымолил. Потом я узнала, что один раз танковая колонна, в которой служил сын, поднималась в сопки. Вдруг танк, в котором был и мой Толя, свалился, пушка отлетела, танк загорелся, а они не могли выбраться из него – что-то заклинило. Их кинулись спасать и вытащили только каким-то чудом...

Пришло мне как-то от Батюшки письмо. Что было в нем, я уже не помню, но главное – в него была вложена телеграмма: «Встречайте», – и адрес. Я сразу взяла отпуск, поехала по этому адресу, захожу, а меня встречает отец Виталий!..

Когда Батюшка умер, я была уже на пенсии и работала в больнице санитаркой. Прихожу после работы к одной матушке, и она мне говорит, что пришла телеграмма: Батюшка умер. Я и подумать не могла, что это могло случиться – кричала не своим голосом! Пришла к Алле – та как-то успокоила меня. Я отправилась на вокзал, встретила там другую матушку, которая тоже ехала на похороны, везла рыбу. В кассе нам объявили, что все поезда на Тбилиси отменены (из-за войны в Абхазии). Я собралась уже домой, но та матушка сказала: «А я никуда не пойду. Как-нибудь, но добраться мы все равно должны!» И я решила, что тоже никуда не пойду. Сидим. Прибыл поезд, только отправили его через Чечню, так как дорога через Сухуми была закрыта – там взорвали мост...

Приехали поздно вечером и удивились: Батюшка умер, а матушка Мария и с ней еще две сестры сидят и смотрят телевизор! Я сначала возмутилась в душе: «Как это можно?!» – а они, оказывается, новости смотрели, чтобы по возможности предугадать, кто из чад сможет добраться до Грузии, а кто нет. Спрашиваю: «А где же Батюшка?» Мать Мария отвечает: «Лежит в храме». Из-за позднего времени она нас туда не пустила, а благословила жарить рыбу.

Утром все мы пошли в церковь. Отпевал отца Виталия Патриарх Илия. Конечно, плакали все. Как отец Виталий разрешительную молитву взял, я сама не видела – за священниками стояла во втором ряду, но батюшки с Украины, которые видели, нам все потом подробно рассказали...

Глубокую-глубокую могилу вырыли нашему Батюшке.

Очень было жалко сестер с Украины – они опоздали, приехали, когда Батюшку уже похоронили, застали только могилку всю в цветах. Они так плакали, так плакали, бедные! Сели вокруг могилки, как птенцы возле наседки, и рыдали...

Христианам о христианстве

из бесед с кавказским пустынником

О СОВРЕМЕННОМ МОНАШЕСТВЕ

Часть 4

Вопрос: *Что делать, если монаху, давшему обет отречения от мира, по долгу монастырского послушания приходится много суетиться: часто выезжать из монастыря в мир, общаться с людьми, следить за производством, иметь дело с деньгами. Мне кажется, что такой образ жизни несовместим с монашеским званием.*

Ответ: На мой взгляд, это смущение происходит просто от недомыслия. Ведь если мы предали себя на служение Богу, мы должны верить, что все, что касается нашего спасения, совершает всепремудрый всеблагой Промысл Божий. Если Господь сказал, что даже «волосы на голове вашей сочтены» – тем паче то, что с нами случается в этой жизни, никогда не бывает «просто случайным»...

Вопрос: *Некоторые чувствуют себя в суете как рыба в воде – не испытывают никакого дискомфорта. А есть люди, которые изначально по своему устроению любят тишину, влекутся к внутреннему деланию, а тут их – туда, где постоянная круговерть, ни минуты покоя!*

Ответ: Посмотри внимательно: нет ли в твоем вопросе суда, осуждения и оклеветания? Ведь только Сердцеведец Господь знает, кто что испытывает в тех или иных условиях, а не мы с тобой можем это безошибочно определять. Так что подумай...

Но давай рассмотрим и такой случай, в котором ты совершенно прав. Если монах в мирских делах чувствует себя как рыба в воде, это уже настораживает. Это плохо. А в некоторых случаях, может, даже и вовсе пагубно. Но если монах чувствует себя в суетном внешнем деле, как не в своей тарелке, ощущает, что это не его стихия, и это его тяготит, то это хорошо. Потому что при таком расположении духа проявляются его умерщвление и отречение от мира. Если душа умерла для мира, то она тяготится мирскими делами и занимается ими (контактирует с внешним миром, имеет дело с деньгами) только ради послушания, без всякого пристрастия ко всему этому. А если монаху такая «круговерть» полюбилась и нравится, то... можно только поскорбеть о нем.

В любых внешних делах (особенно которые связаны с деньгами), нужно обязательно хранить безпристрастие. А также стараться возделывать и хранить молитву, хотя бы «вынужденную», то есть требуемую обстоятельствами жизни и послушания. Например, предстоит какая-либо деловая встреча – должен придти человек. Тебе нужно уже предварительно об этом помолиться: «Господи, как мне правильно с этим человеком себя повести? С чем согласиться, с чем нет? Что ему сказать, как сделать то или иное дело, чтобы было по воле Твоей?» И, помолившись, начинать разговаривать с этим человеком. Мы обычно забываем про такую молитву. Но всякий скорбный случай, тягота, смущение нам будут напоминать, что мы сделали ошибку – не помолились совсем или помолились плохо, «без души». Нужно понять, что другого выхода в таких ситуациях у нас нет. Святитель Феофан Затворник по этому поводу сказал четко и ясно: «Надо делать земные дела с небесной целью, и тогда эти земные дела приобретут небесную цену». Вот как мы должны относиться к подобным проблемам: все делать ради Бога и в Боге – честно, искренно, справедливо, стараясь в дела свои не привносить примеси своих страстей. А если когда-то что-то не получится – каяться и в следующем случае исправляться.

Вопрос: *А если душа все-таки тяготится и непреодолимо влечется к тишине?*

Ответ: Если, выполняя послушание, мы «с головой» погружаемся в суету, забывая о том, что нам подобает делать земные дела, но с небесной целью, то она, эта суета, естественно, тяготит душу. Поэтому нужно всеми способами ста-

раться приводить себя в правильное духовное устроение, используя для этого все «законные» возможности, в том числе, кратковременное уединение. Например, в воскресные и праздничные дни. Или ежедневно после ужина, или утром до подъема. И если будешь правильно проводить, скажем, этот час или день, если будешь преуспевать духовно в этой кратковременной тишине, то Господь знает, как устроить и дать тебе более длительное время для таких упражнений. А если ты только себя обманываешь... Ведь этой потребностью тишины могут прикрываться разные страсти, потому что каждый человек по своей ветхой природе стремится к покою – чтобы нас «не кантовали», не обременяли. А прикрывается это очень благовидно: «Мне не хочется суетиться, мне хочется молиться», – а на самом деле это может быть какая-то страстишка. Тогда Господь не даст нам вожделенного «покоя», потому что мы этот покой обратим себе в погибель (ведь не без основания сказал преподобный Иоанн Лествичник, что «безмолвие губит неискусных»).

А если будешь кратковременное уединение, данное тебе, душеспасительно употреблять, то Господь может в один миг изменить обстоятельства и дать тебе все по твоей душевной потребе, лишь бы ты только спасался в этих условиях, а не расслаблялся и не обольщался.

Так что эту проблему надо предать в руки Божии и внимательно внутри себя ее рассмотреть, и не претендовать упорно на то, что Господь не дает, а смиренно излагать свои желания в молитве, предаваясь на волю Божию. Как всем нам заповедано: *«Ни о чемже печытеся, но о всем молитвою и молением со благодарением прошения ваши да сказуются к Богу: и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе»* (Флп. 4, 6-7). Вот этим и надо руководствоваться в своих желаниях и действиях: высказывать свои прошения Господу и пребывать в мире и благодарении Его за все, что Он устрояет Своим Всепремудрым Промыслом о нас.

Мы должны смириться под крепкую руку Божию, и что Господь дал, то мы и должны нести. А если человек по своей воле устроит себе уединение, то он рискует вовсе не получить того, что думает. Поверь, это проверено и на собственном опыте, и на опыте других. Только то дело спасительно и будет радовать нас в вечности, которое мы делаем по воле Божией. Ни уединение, ни затвор, ни другие якобы благие делания не послужат нам на пользу, если на то не будет воли Божией.

Вопрос: *Вы сказали про собственный опыт. А можно привести пример?*

Ответ: Ну, вот, к примеру, приходит помысел: «Эту неделю (или месяц) проведу в молитве. Никакими внешними делами заниматься не буду. Чтобы достигнуть того-то и того-то, мне нужно создать себе такие-то условия», – то есть самые благие намерения. Но я знаю, что на это время меня просили сходить к такому-то брату и что-то там ему сделать, помочь. «Нет, – говорю сам себе, – я уже осуетился, не пойду. Эту неделю (или месяц) посижу в келье, пребуду только в молитве и что-то приобрету для своей души». Но в итоге или совсем не получится по-моему – кто-то придет в келию или даже если и получится, все равно я не получу того, что думал получить. И такие «опыты» у меня были часто. Тогда я пришел к выводу, что абсолютно ничего нельзя предпринимать «просто так», как **мне** хочется, не узнав волю Божию.

Помню, после смерти моего собрата монаха Давида я четыре раза пытался сам для себя определить свой образ жития. И вот, когда решусь жить один, – приходит человек. Ломаю себя – я же уже настроился на уединение. Но когда я решусь жить с этим человеком – он вдруг уходит. Думаю: «Что такое? Все, буду жить один». А тут второй приходит. Говорю ему: «Не знаю волю Божию, давай помолимся». Написал письмо тому старцу, который его ко мне направил. Приходит ответ: есть воля Божия с ним жить. Ладно, пусть живет. Сколько-то у меня пожил и уходит... Я уже прошу его: «Не уходи», – но он все равно уходит. И так было четыре раза. Я уже взмолился: «Господи, ну, что это такое?» И потом до меня «дошло». Это все к тому, чтобы мы стремились исполнять не свою волю, а Божию, и не думали, как нам жить, с кем жить и в каких обстоятельствах, а предались на волю Божию и принимали то, что Господь посылает. На этом я остановился и успокоился. И теперь, где я нахожусь – в городе или в келии, один или с людьми – это не столь важно, лишь бы это соответствовало воле Божией, а с моей стороны не было бы потакания своим страстям и прихотям.

Но бывают иногда интересные случаи – Господь учит, вразумляет и смиряет даже в суете. Помню такой случай. Одно время, когда я приходил в город, то «воздерживался» от арбузов. Когда предлагали – ел, а сам не покупал, считал, что для монаха это излишне. Потом кому-то сказал, что не покупаю арбузов – как бы тщеславие сыграло. И вскоре получилось так, что ехали братия к отцу М., старенькому монаху-пустыннику, и я купил для него несколько арбузов, с намерением передать их с этими братьями. Но один арбуз оказался гнилой. Я думаю: «Этот гнилой я оставлю, нехорошо его передавать». Но по ошибке получилось, что остался хороший, а гнилой повезли туда. И поскольку оставшийся арбуз отдать было некому, то пришлось его съедать мне с осознанием того, что это для вразумления моей глупости. Вот так Господь меня смирил, чтобы я не тщеславился тем, что не покупаю себе арбузов.

Так что духовное делание и воспитание Господом нашей души идет везде. И если будем наблюдать за помыслами, чувствами и желаниями, то будем получать пользу во всяком случае. А если не наблюдаем, не каемся, не молимся, тогда, как говорится, падаем на всяком даже ровном месте. Так что, помоги нам, Господи!

Вопрос: *А суета разве не отягощает душу?*

Ответ: Конечно, отягощает. Но монаху необходимо умудрятьсяся, чтобы поток суеты вращал его внутреннюю «мельницу» сердечной молитвы, хотя бы даже вынужденно. А пока такого навыка нет, то это отягощение надо нести, как свой крест – со смирением, прося у Господа благодатной помощи и в делах, и в молитве. Здесь в этом отношении должна быть такая внутренняя установка: если есть на какое-то конкретное дело воля Божия, значит, я должен его исполнить. Нравится оно мне или не нравится, не нужно задаваться таким вопросом, а творить волю Божию, пока Сам Господь Своим Промыслом от этого не освободит.

В ходе дела суета, конечно, обременяет ум. Но от этого не нужно приходить в смущение и предаваться роптанию (поверь – от ропота легче не станет), а нужно просто **бороться**. Допустим, если я становлюсь на молитву, и какие-то греховные: суетные, а особо – тщеславные воспоминания лезут в голову, значит, необходимо читать такую молитву, которая привела бы душу в большее чувство.

Вопрос: *Например?..*

Ответ: Например: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя осуетившегося, мерзкого» – с осознанием того, что если есть хоть какое-то самодовольство от успешного продвижения в суетных делах, то исполняются на мне слова Священного Писания: «*Нечист* [т.е. мерзок] *пред Господом всяк высокосердый*» и «*Кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва – мерзость*» (Притч. 28, 9). Или: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя и избави мя вечного огня». Или иную подобную читать молитву, действенную для отрезвления души.

И такая борьба – она постоянная. Зачастую это должен быть молитвенный вопль, а не простое чтение молитв. Если борешься, так, значит, нужно с усилием бороться, а если только попустил себе слабость, значит, тут же и одолеваешься чем-то греховным. Так что у нас должна быть постоянная, не зависящая от внешних обстоятельств, борьба против плоти, мира и диавола. Если в таком тонусе пребывает монах, то благо. А если только расслабится, то сразу начнет претыкаться.

Вопрос: *А тяжело ли Вам внутренне бывает каждый раз выходить из пустыни?*

Ответ: Хотя чувства «неохоты» и отягощения присутствуют, но этому не дается хода. Я не ставлю себе такой вопрос: хочется мне или не хочется, тяжело или не тяжело.

Вопрос: *А «спасительно или не спасительно»?*

Ответ: Спасительно или не спасительно – это уже зависит от того, насколько мы пребываем в правильном делании того, что делаем. Спасительность дела зависит от того, насколько богоугодно мы будем исполнять то или иное доброе дело, на которое есть воля Божия. И можно испортить своим нерадением и глупостью всякое доброе дело. Ну, к примеру, какой-то человек попал в беду. Я оказался рядом и, естественно, пытаюсь ему помочь. Но вознерадел о молитве – начал что-то говорить, советовать, как ему поступать в этом случае, но не помолился Господу о вразумлении – как решить это дело богоугодно и спасительно. Следовательно, я сплошал. Сказал, может быть, что-то душевредное для себя и для кого-то. А почему? Потому что вознерадел о молитве, хоть и знаю, что нужно помолиться прежде, чем отвечать. Также и в других случаях. Вот такая получается «тренировка», т.е. делание для бдительности над собой. По существу вся наша христианская жизнь посвящена тому, чтобы теоретические познания воплощать в практическую повседневную деятельность. И если я какое угодно доброе дело делаю не так, как подобает по заповедям и по совести, по святоотеческому учению, т.е. если не применяю по нерадению теоретических знаний, то оно будет для меня уже не спасительным. Неслучайно сказал преподобный Иоанн Лествичник, что «искусен [т.е. благоразумный человек] – везде искусен, а неискусен – везде неискусен». Лютейший враг для человека – это он сам.

Вопрос: *Но все же думается так. Вы себя как бы утешаете тем, что «вот скоро моя суета кончится». Надеетесь, что свое дело сделаете, уйдете в келью, и тогда Вы будете в покое. А вот, к примеру, если воля Божия будет... Вам жить в монастыре и заниматься «суетными» делами. Это я к тому говорю, чтобы Вы лучше поняли монахов, которые не желают смиряться с такими послушаниями в монастыре. Вот, если бы Вам знать, что так будет... какая Ваша реакция была бы? Не была бы она подобна реакции тех монахов, которые говорят: «Сбегу от всех, куда глаза глядят»?*

Ответ: Такие «вводные» я не принимаю. «Вводными» в армии раньше называли команды: «вспышка справа!», «вспышка слева!» «Вспышка» обозначает взрыв. Когда идет обучение солдат, им объясняют, куда они должны падать головой, куда ногами, что они должны делать в тех или иных обстоятельствах. И на учениях потом смотрят, как они на такие команды реагируют, насколько правильно или неправильно.

Так обучают в армии. Но в духовной жизни такое обучение не приемлемо. Хотя бы потому, что монах должен жить одним днем. Я вот сижу сейчас, разговариваю, а не знаю, доживу ли до вечера или

нет – тем более, до утра. Как вот совсем недавно был случай. Ехал я из города в селение на попутной машине. И на крутом повороте мы чуть не столкнулись с автобусом. А там дорога узкая, разъехаться трудно, к тому же – с одной стороны скала, а с другой – пропасть, и никаких заградительных бордюров. Милостью Божией шофер вырулил, но колеса прошли в считанных сантиметрах от обрыва. Так что... планов составлять не приходится.

Еще раз повторяю: монах должен жить одним днем и делать то, что предстоит сейчас перед ним. Если я встал на молитву, значит, должен прилежно, искренне молиться. Если должен идти на трапезу и знаю, что там должен воздержаться, значит, я должен следить за тем, чтобы не предаваться необузданному чревоугодию. Так что такие вопросы «а что, если...» не нужно ставить, а нужно стараться с молитвой, смиренно и богоугодно исполнять каждое предстоящее пред нами доброе дело. А о завтрашнем дне Господь позаботится.

Нельзя тешить себя тем, что я пойду в келию и еще 5 или 25 лет буду сидеть в пустыне в уединении. В том-то и дело... я уже говорил, что существует духовный закон «мнение не допускает быть мнимому», который действует во всех наших обстоятельствах. Если я буду себя тешить таким своим мнением, что я пойду в келию и буду там безмолвствовать, то это мое самонадеянное мнение, и оно не допустит этому благу совершиться. Я очень много раз уже ошибался и потому теперь никаких планов не составляю, точнее, стараюсь не составлять. И никаких обещаний не даю, потому что не знаю, что будет со мной завтра. Единственно, что мне нужно, это заботиться о том, как я должен прожить сегодняшний день так, чтобы меня совесть не обличала – так, чтобы потом не было мучительно больно за безумно прожитое время. Вот и все.

Вопрос: *А не получится ли так: вот вдруг произойдет что-то такое, что лишит Вас уединения, и впадете тогда в уныние...*

Ответ: Я буду в унынии тогда, когда не буду делать того, что требует моя совесть, мои монашеские обеты и заповеди Христовы. Старец-пустынник схимонах Н., который имел дар молитвенного плача, говорил: «Я на все согласен, лишь бы была на это воля Божия». И это он говорил с таким глубоким чувством, что было видно, что он действительно НА ВСЕ согласен, лишь бы была воля Божия. Несколько раз я это услышал от него, и это очень напечатлелось в душе. Только помоги, Господи, это исполнять самой жизнью.

Какая разница монаху, где он будет завтра. Для монаха нет разницы, нет своей воли, если он предал себя в руки Божии. Или он будет на архиерейском престоле сидеть, или он будет в тюрьме сидеть (как раньше – сколько монахов прошли через лагеря, тюрьмы, ссылки). Для монаха фактически нет разницы – лишь бы он везде был самим собой, т.е. таким, каким он должен быть, и во всяком случае, во всяких обстоятельствах исполнял заповеди Божии, свои монашеские обеты и требования своей совести. Нет разницы, где он будет находиться, он везде должен отсекать волю своего падшего естества и исполнять волю Божию: в этом его вера, любовь и вечное спасение.

Вопрос: *Нет разницы, говорите? Монах должен жить в нищете...*

Ответ: Монах это тот, кто живет наедине с Богом. Для монаха есть только Бог, пред Которым он предстоит, Которому он посвятил свою душу и тело и служит всеми мыслями, чувствами и всеми действиями души и тела своего. В этом монах. Если он таков, тогда ему все равно, где он находится. Нет ему разницы. Он служит Богу вне зависимости от окружающих внешних обстоятельств. Монах должен учиться пребывать неизменным при похвалах и при порицаниях; при полном материальном достатке он не должен предаваться самоугодию, и при полной нищете не подобает ему впадать в малодушие и нетерпение. А заботиться только об одном – чтобы ни в чем не прогневать Бога. Вот если такое делание иметь, тогда человек будет везде пребывать в душевном мире и тишине. А если представлять себе, что поскольку я монах, то я должен сидеть в лесу или в затворе, но забывать при этом, что во всех обстоятельствах нужно исполнять волю Божию, то это крайне неправильно. Ибо Сам Господь наш Иисус Христос сказал: «*Не пришдох да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца*». А апостол Павел говорит: «*Умоляю вас, подражайте мне, как и я Христу*» (1 Кор. 4, 17). Ведь Христос дал нам образ, как нам жить, чтобы творить волю Отца Небесного. А Его воля сегодня может быть такая, а завтра может быть иная. Если она нам извещается каким-то образом, следовательно, испытывается наше послушание Богу, наша вера Ему, смирение и любовь, наше сыновнее послушание – насколько мы посвятили себя Господу и хотим служить Ему всегда и во всем. При такой установке нам нет заботы, на какое дело завтра нас пошлет Господь. Мы раз и навсегда предались служению Ему. А что Он нам даст – какое послушание на завтра – это Его святая воля. Мы ведь каждый день читаем молитву «Отче наш». Что там написано? «Отче..., ***да будет воля Твоя*** [а не моя]».

С крестом и Евангелием

Из воспоминаний о старице схимонахине Антонии (Овечкиной)

Часть 5

Схимонахиня Антония (Овечкина; † 1972)

Схиигумен Митрофан (Мякинин) находился в духовном общении с матушкой Антонией, они молились друг за друга, виделись, когда матушку привозили к нему ее послушницы. Иногда батюшка сам приходил к старице, по временам она посылала к нему с какими-то поручениями свою келейницу Евфросинию. Отец Митрофан не мог не заметить смирения Фроси, ее послушания, кротости, терпения. Он решил дать ей постриг, что и исполнил, когда она в очередной раз пришла к нему по матушкиному поручению. Духовной матерью Евфросинии (с того момента – монахини Евфрасии) стала бывшая монастырская монахиня Серафима из села Гнилуша, которая окормлялась у отца Митрофана. Она просила Евфрасию не говорить матушке о постриге и тем более о том, кого ей дали в духовные матери: она боялась, что это известие причинит схимонахине Антонии печаль. Евфрасия обещала исполнить ее просьбу. Вернувшись домой, она ни словом не обмолвилась о своем постриге. Но матушка Антония провидела все и спросила у своей послушницы: «Ну, как тебя назвали-то?» Та сделала вид, что не расслышала. «Чего же ты скрываешь? – продолжала матушка. – Два голубя[1] залетели ко мне, и я знаю, как тебя назвали, а ты не говоришь!» Тогда Евфрасия рассказала матушке о постриге.

После пострига Евфрасия ничуть не изменилась – продолжала быть такой же скромной, послушной, услужливой и предупредительной по отношению к матушке, убирала, подавала еду, ухаживала. Впоследствии по смерти матушки она приняла схиму с именем Филарета...

Одни ехали к матушке за советом, другие – за исцелением. Были и те, кто, раз побывав у старицы и по ее молитвам получив от Господа милость, стремился увидеться с ней еще и еще. Такие жили по несколько дней, помогая постоянным послушницам по хозяйству. «Я приезжала весной и осенью, – вспоминает монахиня Серапиона. – Мне так хотелось побольше побыть с матушкой, и она провидела это: то стирать благословит, то велит в погребе капусту чистить, то картошку мы выбирали, то семена перед посадкой готовили – какие-то дела всегда находились...».

Матушка не только молилась за тех, кто приезжал к ней, она также старалась научить, наставить. Где ласковыми словами, а где-то приходилось применять и малоприятное вразумление. Не любила она, например, когда кто-то, что называется, «нос воротил» от пищи – то не так, это не по нраву, во всяком блюде и продуктах выискивал и подозревал изъяны, запахи, вглядывался, всматривался, лишь бы что-то неладное увидеть. Раз приехала к ней раба Божия и стала ко всему съестному принюхиваться: «Матушка, это уже с запахом – пропало... Это тоже пахнет – лежалое... А это, матушка, воняет!..» И матушка решила ее проучить. Привезла та раба Божия рыбу – свежую. А матушка велит: «Фрося, положи рыбу в ведерко и поставь в колодец. А ту, что была до нее в колодце, принеси». Фрося (может быть, наученная матушкой) отвечает: «Матушка, да та несвежая. Давай эту съедим». А матушка ей: «Нет, давай ту, какая с душком. Не хочешь?» И благословляет рабу Божию, которая все принюхивалась: «Иди сюда, давай с тобой доедать», – ну, как тут откажешься...

По молитвам матушки получалось все, на что она благословляла своих чад. «Раз матушка сказала мне: «Маня, ты будешь вышивать схиму», – вспоминает раба Божия Мария. – Я отвечаю: «Матушка, да я не умею!» А она говорит: «Умеешь – Господь тебя благослови. Ты будешь вышивать мне схиму». И вот я начала помаленьку пробовать. Сначала не знала, что и как делать, потом потихоньку стало получаться. А радости, столько у меня радости было! Принесу ей ангелочка: «Матушка, глянь, как у меня вышло!» Она говорит: «Маня, я же тебе говорила – ты сделаешь». Две недели я вышивала. Матушке схима очень понравилась и она благословила мне за нее награду: «Паша, принеси ей Псалтирь», – старинный, хороший такой. А мне снова радость великая! Потом матушку в этой схиме и в гроб положили...».

Часто ездил к матушке ее духовный сын Николай (ныне – правящий архиерей Липецкой и Елецкой епархии епископ Никон). Работал он тогда на заводе и приезжал на день-два, когда случались выходные. Однажды, в очередной раз навестив старицу, он услышал от нее такую просьбу: «Коля, ты не мог бы

[1] При постриге человеку дается второй Ангел хранитель. Очевидно, в образе двух голубей матушка узрела их духовными очами.

нам овес покосить?» Он сказал: «Благословите», – матушка перекрестила его, и Николай отправился с послушницей в сарай, где ему дали старую косу. Для того чтобы отбить и наточить ее, нужны были инструменты, которых в хозяйстве у матушки не было. Несколько часов Николай усердно рубил стебли овса, не мявшиеся под неимоверно тупой косой только лишь потому, что были они сочными и толстыми и поэтому просто переламывались под ударами. Наконец, Господь послал ему в помощь раба Божиего, который, проходя случайно мимо и увидев, каким «орудием» работает Николай, ужаснулся и принес молоток и отбойник, чтобы привести косу в порядок... Работа Николая на заводе заключалась в управлении машинами с помощью пульта, он не был привычен к изматывающему физическому труду и думал, что наутро у него будут сильно болеть все мышцы. Но странно: на следующее утро он проснулся в домике у матушки бодрым и совершенно здоровым.

Послушание матушке никогда не посрамляло человека, а вот за непослушание Господь посылал людям вразумления. Схимонахиня Евстратия рассказывала, что однажды к матушке из Воронежа приехали муж с женой. Мужчина был очень больной. Матушка согласилась за него помолиться, но предупредила, что он не должен больше пить, курить... – она провидела, какую жизнь он ведет. Мужчина обещал все исполнить, но, исцелившись, вернулся на «старую дорогу». Потом он снова приезжал к матушке – и снова все повторялось. Наконец, матушка сказала ему: «Если ты не будешь слушать, то ты будешь зловоние». И когда он опять вернулся к прежним грехам, то не мог находиться ни в одном доме: из него выходил такой неприятный запах, что немногие могли выдержать...

Однажды в очередной раз монахиня Евфрасия отправилась к схигумену Митрофану. Дело было на Пасху. Служба – очень торжественная, благодатная и умилительная. Схимонахиня Михаила, жалея матушку Антонию, велела не говорить Евфрасии о том утешении, которое они все получили за богослужением: «А то матушка будет переживать, что она, больная, не была у батюшки!» Впоследствии Евфрасия рассказывала: «Я приезжаю к матушке и ничего не говорю, как у батюшки хорошо-то было, торжественно. А она мне: «Фрося, а у нас такая тут была радость! Как пели «Христос воскресе»! Как же пели! У меня радость не вмещалась в сердце!»», – так Господь утешал больную старицу.

Священник мордовского храма отец Александр Бородин очень любил матушку Антонию. Он всегда радовался, когда она приезжала на лето из Евграфово. «Матушку только привезут, – рассказывала одна из ее послушниц, – отец Александр тут же прибегал! Побудет с ней, посидит – уйдет. А сам: «Матушка, я сейчас еще к тебе приду!» Сделает свои дела – снова придет. Он был очень простой и добрый. Так любил матушку, даже стихи про нее сочинил:

...Все скорби, болезни свои забываю,
Когда я бываю у Вас,
И Господа Бога всегда умоляю,
Чтоб жизнь Вам продлил Он
для нас...

Старица Антония среди послушниц

Сочинил он и жизнеописание схим. Антонии в стихах».

Матушка до самой своей кончины летом жила в Евграфово, а зимой – в Мордово, никогда не прекращая принимать людей. Игумен Евгений из Кужновки, который за несколько лет до ее смерти постриг матушку в схиму, бывало, не раз говорил ей: «Матушка, да пожалей ты себя – ты ведь уже старенькая стала. Хватит тебе с бесноватыми-то возиться!» Она отвечала: «Да жалко всех! Погибают!..»

Но вот силы шестидесятичетырехлетней старицы стали понемногу угасать. Предчувствуя свою смерть, она начала постепенно готовить к ней своих послушниц. В год кончины, весной, когда приехали матушкины чада помочь приготовить картошку для посадки, она вдруг благословила сделать уборку во дворе: подобрали все бумажки, баночки, палочки, скляночки, вывезли мусор. Такого раньше никогда не было. Монахиня Евфрасия ходила заплаканная: «Наверное, матушка уйдет от нас», – сердце верной послушницы чувствовало, к чему все эти приготовления.

Лето подходило к концу. Однажды приехал к матушке на несколько дней один из старцев. Как-то вечером взял гармошку и начал наигрывать на ней «Трисвятое»: «У вас скоро будут две свадьбы. Две свадьбы». Послушница Параскева тогда уже лежала больная раком – в первую очередь подумали на нее. А чьей будет другая смерть? «Ну, раз «две свадьбы» – кому кроме матушки?» – поняли послушницы.

С этого времени схимонахиня Антония уже открыто говорила с ними о своей смерти. «Где же вы похороните меня?» – спросила она как-то. «Матушка, где благословите», – отвечали послушницы. «Да кому же охота тогда со мной возиться-то будет? Кто меня куда повезет?» – сомневалась старица. «Матушка, одно только ваше благословение – и Вы в Мордово будете лежать!» – воскликнула Евфрасия, угадывая матушкино желание и по смерти быть ближе к храму. И слово свое сдержала...

За несколько дней до смерти у матушки начались сильные головные боли. Одна из послушниц спросила: «Матушка, почему же это? Или тебе не хватает страданий?» Старица смиренно ответила: «Наверное не хватает, я еще должна потерпеть». Затем она попросила привезти ей назавтра священника.

В воскресенье 21 августа в домике в Евграфово кроме постоянных послушниц находились также и те, кто приезжал время от времени по-

могать по хозяйству и окормляться у схимонахини Антонии. Утром она сказала им: «Приходила ко мне сегодня Нюра[2] – домой зовет. А я ей ответила: «Нет, сегодня я еще не пойду с тобой – завтра». Скоро вы меня больше не увидите, – заключила старица. – Я оставляю вас всех на Матерь Божию и завтра ухожу от вас». Поднялся плач. «Но я всегда буду с вами, – добавила она в утешение. – Кто станет меня о чем-то просить – я услышу. Просите – и я всегда буду с вами...». Священник отец Филипп пособоровал и причастил матушку. Все начали прощаться. Евфрасия заплакала: «Матушка, не оставляй нас...» Матушка ответила: «Фрося, **нужно** уходить», – предстоящую смерть она, человек духовный, воспринимала как переход в вечность, возвращение к Отечеству Небесному...

Вечером в дом постучали две женщины. Послушницы не хотели их пускать, рассудив, что в предстоящем горе чужие люди будут только помехой. Но матушка сказала: «Они вам пригодятся. Пусть зайдут, примите их».

На следующий день в 11 часов утра матушка велела своей келейнице одеть ее в схиму. Старицу облачили, дали в руки крест и свечу. На всех подсвечниках также зажгли свечи. Матушка пролежала четыре часа, не испытывая почти никаких физических недомоганий. «Только температурка небольшая поднялась», – вспоминала монахиня Серапиона. А в три часа дня схимонахиня Антония тихо и безболезненно отошла ко Господу в свой день Ангела – на мученицу Антонию – 22 августа 1972 года. Зажженная свеча и крест зажались в руке...

Послушницы стали собираться в Мордово. Кто побежал отправлять телеграммы, кто-то – искать автобус. Другие стали собирать вещи и продукты, укладывать иконы. Пригодились, как и предсказывала матушка, и те две женщины, что попросились к ним накануне на ночлег. Почившую положили в заранее приготовленный гроб, поставили гроб в автобус и поехали.

Священник в Мордово, отец Александр, узнав, что старица умерла, тотчас открыл храм, и гроб занесли в церковь, сразу начав читать над усопшей Псалтирь. На следующий день назначено было отпевание.

С утра люди из окрестных деревень, узнав о смерти схимонахини Антонии, толпами приходили прощаться со старицей. Приехали также те, кому дали телеграммы матушкины послушницы. Правда, на похороны успели не все. К концу дня, когда все пришедшие и приехавшие простились с матушкой, гроб старицы под пение заупокойных молитв на руках понесли на кладбище. Когда его выносили на улицу, к нему со слезами припала раба Божия болящая Наталья, неоднократно при жизни матушки прибегавшая к ней за помощью, просившая ее совета и молитв. «Маманя, возьми меня с собой – я без тебя погибну!» – умоляла больная. И матушка услышала просьбу любящей души – через месяц Наталья умерла...

Схимонахиня Антония среди послушниц

После похорон матушкины послушницы остались жить в Мордово. Перевезли вещи, иконы. Правда, некоторые, пользуясь отсутствием хозяев, успели многое растащить со двора... Иконы, что были у матушки в келье, частью отдали в мордовский храм, частью – в другие храмы.

Перед кончиной матушка сказала своим послушницам, что оставляет их на Матерь Божию, и Богородица заботилась о них, что было видно даже в самых мелких житейских делах. Но один случай просто поразил всех. Когда перевозили вещи из Евграфово, перепра-вили в Мордово и коровку. Надо было перевезти сено – это дело поручили дяде Ване из Матреновки, который при жизни матушки часто помогал ее послушницам справлять разные хозяйственные дела. Он договорился с шофером грузовой машины, сено нагрузили в кузов и отправились в Мордово. Но когда стали выезжать на дорогу, то и водитель, и дядя Ваня вдруг увидели, что перед машиной стоит Матерь Божия с поднятыми руками! Дядя Ваня сразу догадался, Кто перед ними – он пришел в такое состояние умиления, что заплакал, зарыдал так, что долго не мог успокоиться. Шофер же был неверующим, но и он понял, что Женщина перед ними непростая. Наконец, дядя Ваня сумел сквозь рыдания проговорить: «Это Матерь Божия!» – и больше ничего сказать не смог. Богородица произнесла: «У вас воз на боку». Шофер оторопел и спросил: «А что ж нам делать?» Она, помолчав немного, ответила: «Ну, езжайте – Я буду вас сопровождать». Машина тронулась. С возом сена, накрененным набок, они проехали всю дорогу от Евграфово до Мордово и лишь когда подъехали ко двору, где должны были сгрузить стог, он сам рухнул возле ворот! «Дядя Ваня с шофером зашли в дом, – рассказывала схим. Евстратия, – я усадила их за стол, чтобы покормить. Смотрю: дядя Ваня сильно взволнован. Сел и говорит: "Маня, я не могу есть! Я такую радость видел – Матерь Божию! Она – сияющая, красивая, вся в голубом одеянии! Я как увидел Ее – заплакал и не мог успокоиться! И сейчас еще не могу..."», – конечно, такое потрясение: простому человеку сподобиться увидеть Матерь Божию!..»

На сороковой день, как и положено, по схим. Антонии заказали в церкви заупокойную обедню, отслужили панихиду, устроили помин. Вскоре после этого умерла послушница Параскева, приняв перед смертью схиму с именем Агния.

Через некоторое время в Мордово произошло событие, смысл которого открылся позднее – одна раба Божия увидела во сне матушку, которая просила: «Мне нужна послушница молоденькая. Мне нужна молоденькая послушница». Проснувшись, раба Божия рассказала

---

[2] Покойная мон. Алексия, которую все знали как «тетю Нюру». При жизни она несла послушание на кухне.

свой сон другим. Святая Церковь учит, что верить снам не нужно, а иногда и опасно, но в данном случае Господь, очевидно, послал это видение для того, чтобы прославить Свою угодницу и утешить матушкиных чад. Вскоре в селе умерла девятилетняя отроковица – тогда все поняли, какую послушницу имела в виду матушка. Когда хоронили девочку, то по благословению местного священника раскопали могилу старицы, чтобы поставить детский гробик на ее гроб. Но тут увидели небывалое чудо. При погребении, перед тем как зарывать могилу, кто-то положил на матушкин гроб свежее яблоко, видимо, в память того, что недавно прошел праздник Преображения Господня, «Яблочный Спас». И когда стали раскапывать могилу, яблоко это обрели на гробе матушки совершенно не тронутым тлением! Кроме того, выглядело оно так, будто его только что сорвали с ветки – было свежим и ароматным, а ведь прошло уже около двух месяцев со дня похорон матушки! Все прославили Бога, дивного во святых Своих...

Через некоторое время на могилке матушки побывал схиархимандрит Виталий (Сидоренко). Узнав о житии смиренной страдалицы, он горько плакал: «Почему при ее жизни мне никто не сказал о ней?»...

Каждый год 22 августа, в день памяти матушки, множество духовных чад с разных городов и сел неизменно стекались на ее могилку. Среди них – нынешний епископ Липецкий и Елецкий Никон. Тогда он был еще настоятелем храма в селе Павловка Добринского района. Приезжал он и позже – когда был переведен в Акатовский Воронежский монастырь, привозил с собой некоторых из сестер. Бывал на могилке матушки и покойный уже игумен Варсонофий (Шенцев), исцелившийся в молодости от холодности к вере по ее молитвам. Приезжало немало других священнослужителей.

Многие прибывали накануне вечером. В храме служилась заупокойная всенощная, после нее устраивали соборование. Если была жаркая погода, то соборование происходило во дворе. Свечи в руках стоявших трепетали и волновались, как бы призывая к молитве, а иногда, в безветренную погоду, все горели ровно – и на душе также воцарялась торжественная молитвенная тишина...

Особо чтившие матушку чада прочитывали в тот день за нее полностью Псалтирь.

Людей было столько, что на ночь их укладывали спать не только в хатке и пристройке, но и в сараях, на чердаке, даже во дворе. Утром людей прибывало еще больше. Служилась заупокойная литургия и на могилке – панихида. После этого во дворе расставляли и накрывали длинные столы и за трапезой поминали матушку.

Могила старицы Антонии, с. Мордово, Тамбовской обл. 2005 г.

Со временем люди поняли, что старица Антония за свою праведную жизнь обрела на Небе благодать у Господа. Они стали стекаться на ее могилку, привлеченные рассказами об исцелениях, совершавшихся там по молитвам старицы.

Люди стали освящать на могилке матушки воду, пили ее и исцелялись.

Как и при жизни, не могли выносить матушкиной благодати бесы: болящие кричали на ее могиле, падали на землю. Монахиня Серапиона вспоминает: «Был на могилке матушки такой случай: приехали мы летом в Мордово и пошли на кладбище с одной рабой Божией. Попутно налили из колодца трехлитровую банку воды. Поставили воду на могилку, помолились, попросили матушку о помощи. Та раба Божия даже поплакала... Потом берем воду из банки, наливаем в бокал. Женщина немножко на себя побрызгала – и упала: оказывается, бесноватая была. Мне стало так удивительно: матушка, оказывается, помогает и на могилке! Она слышит нас и наши прошения исполняет!

А когда я в следующий раз приехала в Мордово, на Пасху, пошли мы на могилку матушки уже с другой рабой Божией. Я уже знала, что она болящая. Духовно больная, да еще и физически такая слабая, немощная, болезненная! Мне ее жалко стало – говорю: «Ложись на гробницу матушки». Вдруг у нее живот как заходил, голос изменился, и бес через нее мне говорит: «Ну, а теперь я тебя буду мучить!» – ему не понравилось, что я посоветовала больной...

И так часто случалось: идем к схим. Антонии на могилку, по пути из любого колодца набираем воды, освящаем у матушки – и бесноватые от такой воды падают».

У рабы Божией Татьяны из Мордово очень болели ноги. Она часто ездила в больницу в Тамбов, но там ей мало чем могли помочь. Мама ее, услышав об исцелениях, совершавшихся по матушкиным молитвам, пошла на могилку старицы, нарвала там лопухов, принесла их домой и обложила дочери ноги этими лопухами. Та впоследствии рассказывала: «Я когда встала на ноги, они как задергались у меня – будто иголками начало колоть! После этого легла спать. А потом стала свободно ходить, наступать на ноги без боли!»

С рабой Божией Марией, живущей в Тамбовской области, произошла похожая история: она привезла домой земельку с могилки матушки, привернула ее к своим больным ногам – «и мне получшело», – как рассказывала она сама впоследствии. Подобных случаев было много.

Люди исцелялись по молитвам схимонахини Антонии от разных болезней. Рассказывает монахиня Серапиона: «Когда матушка уже умерла, у меня признали рак груди. Что делать? При жизни матушки я о своих болезнях не безпокоилась: думала, если вдруг что случится, к матушке поеду – и все у меня пройдет. А теперь? Тут мать Филарета узнала, что у меня произошло, и дала мне матушкины подушечки, которые ей при жизни подкладывали под коленки. Я эти подушечки положила себе на грудь – и все у меня прошло!..»

Живая вода Промысла Божиего

из бесед с кавказским пустынником

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

ЧАСТЬ 1

Чтение и жизнь

У нас появилась масса свободного времени. Хотя для тела условия были, как говорится, «не позавидуешь», но душой мы отдыхали от мирской суеты, забот, хлопот, наплыва информации и от всего прочего мирского, суетного, греховного. Даже не было мирских воспоминаний – как будто все, что было, ушло безвозвратно.

Свободное время, остающееся от молитвенного правила и приготовления трапезы, мы посвящали чтению Священного Писания. Читали подряд, начиная с книги Бытия. И вот когда мы дошли до книги, называемой Исход, где повествуется, как израильский народ выходил из египетского рабства, то вдруг осознали, что, действительно, Господь наш Иисус Христос один и Тот же «вчера и днесь». Ибо многое, описанное в этой библейской истории, в какой-то малой мере исполнилось и на нас.

Как фараон хоть и долго удерживал израильский народ, но не удержал, так и нас мир всячески удерживал, но не удержал – с Божией помощью мы вышли из него. И как сказано, что безбедно «пешествовал» Израиль через воды Чермного (Красного) моря – подобным образом и мы безпрепятственно прошли через бурные воды непроходимой горной реки. Только в случае с израильтянами море расступилось, а на нас просто не подействовала быстрая река, которая была во время нашего перехода в наибольшей полноте и силе – как знают бывалые люди, такое течение сносит человека без всякой задержки (правда, более полно мы осознали это тогда, когда через месяц, решив идти дальше по уже значительно упавшей реке, никак не могли ее перейти). И насыщение наше в какой-то степени было похоже на то, как Господь ежедневно посылал израильтянам манну в пустыне. Только нам Он посылал пищу через людей. И как сказано, что израильтяне во время странствования не имели в стане своем болящих, и одежда и обувь их не изнашивались – подобное мы увидели и на себе. Будучи с хроническим насморком и ангиной, я столько времени ходил босиком по холодным камням, замерзал так, что окоченевшие пальцы не мог сложить для крестного знамения, но при этом не заболел. И одежда и обувь наши оказались на удивление «живучими», «неизнашиваемыми» – те самые ботинки, которые были в реке, я носил еще около семи лет, потом кому-то отдал. И курточку, которая была на мне, тоже отдал через какое-то время в приличном виде...

Осознавая, какие большие и частые милости оказывает нам, недостойным, Господь, мы радовались и были очень благодарны Ему. Были благодарны и Царице Небесной – Заступнице Усердной рода христианского, ибо понимали, что все это получаем по Ее ходатайству и предстательству. Таким образом, мы укреплялись в вере и надежде на Бога и на своем маленьком жизненном опыте усваивали истинность слов Священного Писания: «*Благо есть надеятися на Господа*» (Пс. 117, 8).

«Что мы будем завтра есть?..»

Через некоторое время крупа, найденная на месте рыбацкого балаганчика, и другие наши продукты закончились.

Казалось, неизбежно должна была появиться забота: «Что мы будем завтра есть?» Но мы об этом както не печалились. Не сомневались, что Господь о нас промышляет Своим Всепремудрым Промыслом. Но сами мы тоже не сидели сложа руки. Собирали мелиссу, крапиву, варили и кушали, а о всем прочем Господь заботился Сам. Так, вскоре пришли на речку местные рыбаки, человек пять. Расположились неподалеку от нас, развели огромный костер и начали готовиться к рыбной ловле. В это время начался дождь. Все сильнее, сильнее... Рыбаки, увидев это, всполошились:

– Аа-у!.. Аа-у!..[1] Собираемся, уходим, уходим!

Подбегает к нам один из них, бросает огромную булку хлеба, килограмма на три:

– Ребята! Берите, берите! Мы все оставляем, уходим! Речка подымается, обратно перейти не сможем!

Здесь, наверное, надо сделать маленькое пояснение. Весной, когда идут дожди, а также летом до августа месяца, пока тает снег на горах, местные реки непроходимы. И лишь во второй половине лета они уменьшаются в размерах в два-три раза и не представляют особых затруднений для перехода в широких местах, где течение более спокойное. Поэтому

[1] Таким восклицанием местные жители обычно выражают избыток своих эмоций *(прим. автора.)*.

рыбаки, зная, что вода от такого дождя скоро поднимется, поспешили вернуться домой.

Таким образом мы опять оказались с продуктами. Нам досталось несколько булок хлеба, ведро помидоров, огурцы, кусок сала, сыр, другие продукты – у них же провизии на пять человек было рассчитано. Мы, конечно, все подобрали, чтобы ничего не пропало, и так, с Божией помощью, жили. Только сало не стали брать, поскольку считали себя начавшими монашескую жизнь.

Приближался к концу Петров пост. Иногда при взгляде на реку приходили мысли: «Вот уж и пост кончается, а рыбы нет у нас ...» Ведь рыбы в речке полно, а ловить нечем.

Но Господь не оставил не исполненным и это наше желание. Приехал из Ростова один ихтиолог, поставил свой балаганчик недалеко от нашего, а сам пошел ловить рыбу. Через некоторое время вернулся с большим уловом. Позвал нас, говорит: «Ребята, я вам дам ведро рыбы, только помогите мне ее почистить!» Сначала мы не хотели, думали: начнет ее жарить, будет приглашать кушать, а сейчас пост... Тогда ведь мы еще не знали устава о разрешении рыбной трапезы: когда можно есть рыбу в пост, а когда нет, думали: пост – значит пост. Но потом увидели, что он спешит ее почистить и побыстрее уйти в селение, и помогли ему.

Ихтиолог, как обещал, дал ведро рыбы. Начали мы думать, как ее сохранить. Решили закоптить на костре. Кое-как приспособились – закоптили и потом, когда кончился пост, долго еще ели. Но ели не только мы. Из-за того, что она была малосоленая, осы «помогли» нам ее скушать. Видим, висит рыба, и почему-то эти насекомые постоянно кружатся рядом, не боятся даже дыма от костра. Думаем: летают, ну и пусть себе летают. А потом заметили, что некоторые рыбки от ветра колышутся. Мы к ним – а там только пустая кожа и кости остались... Ну, да ничего, голодными мы никогда не были, слава Богу.

Несмотря на то, что Господь никогда не допускал до того, чтобы нам нечего было кушать, при этом мы все-таки старались поститься. Думали: «Если пришли в пустыню, значит нужно поститься добровольно». Но и в этом отношении получали «вразумления». Однажды со мной случился обморок. Когда я стоял, молился, вдруг закружилась голова, потемнело в глазах, и я рухнул на землю. Правда, тогда был полдень, может, и это еще повлияло (в том месте, где мы остановились, росла только низенькая ольха, которая почти не дает тени). Очнулся, полежал. Думаю: «Да... наверное, поститься "круче" уже

нельзя, нужно дать послабление». После этого немножко «послабил» себе «паек»: стал класть в кипяток сахара на 2-3 кусочка больше, чем раньше.

Ихтиолог, уходя, оставил нам удочки. Начали мы ловить форель.[2] А она такая сильная – когда поймаешь ее, возьмешь в руки, вся трепещется, бьется. И когда вынимаешь крючок, то по рукам течет кровь. Мне оттого, что она такая «живая», просто плохо становилось. Половили мы ее некоторое время и перестали. Жалко как-то было – ну, ей же, бедненькой, больно: этот стальной крючок у нее в горле сидит, его надо вытаскивать...

Но Господь нас пропитал и без рыбы. Вскоре появились грибы, мы начали их собирать, варить, жарить «на сухую» (на крышке от котелка). Собирали мелиссу и другие съедобные травы. Так что жили мы уже неплохо.

[2] Местная форель – это небольшая речная рыбка, 200-300 г веса, очень вкусная. Некоторые еще называют ее «королевская рыба» *(прим. автора)*.

Поездка в Сухуми. Разговор с охотником. В песчаной западне

У нас еще оставались отпускные и расчетные деньги. Здесь, в пустыне, они нам были уже не нужны. К тому же, они рано или поздно могли пропасть впустую, намокнув от дождя. Выход из ситуации виделся один: надо съездить в Сухуми, раздать эти деньги нуждающимся.

Однажды к нашему балаганчику пришли охотники, возвращавшиеся с гор в селение. Они ребята местные, все тропы знают, поэтому мы решили, что мне нужно воспользоваться случаем и пойти с ними. К тому же у них имелась с собой резиновая лодка, и можно было не обходить озеро по берегу, а переплыть по воде, что весьма радовало. Итак, Михаил остался с нашими вещами, а я с охотниками отправился в селение.

К сожалению, радость моя оказалась преждевременной. Когда мы сели в лодку и поплыли, подул встречный ветер. Из-за этого на озере поднялись такие сильные волны, что нельзя было плыть. Охотники хоть и из местных, но гребли, гребли – в конце концов, видят, что плыть нельзя, лодку забивает встречными волнами. Тогда они причалили к берегу и пошли по тропе. Я – за ними. Иду, а сам думаю: «Может, я согрешил, решив пойти в город раздавать эти деньги, если чинятся такие препятствия? Может, не стоило бы возвращаться в мир совсем?.. Прости, Господи!»

И все-таки наше совместное путешествие оказалось промыслительным. Когда мы поднимались по тропе, один из охотников вдруг спросил:

– А ты что, тоже будешь монахом?

Для меня этот вопрос был совершенно неожиданным.

– Как Бог даст! – говорю. – А почему Вы спрашиваете?

– Мы видели, как вы молились. Знаем, что сюда такие приходят.

«Ага, – думаю, – вот это уже интересно...»

– А что, здесь, значит, монахи живут?

– Да, живут. Там вон наверху Юрий живет, окончил университет, приехал сюда из Москвы, к нему друзья ходят... Еще есть Олег, учился раньше в торговом институте. Оставил институт, приехал в здешние места, недалеко отсюда живет. Там Аввакум живет... Там Кассьян... – и всю информацию о всех монахах мне выдал.

Я, конечно, все это намотал на ус. Думаю: «Слава Богу. Значит, монахи еще и сегодня где-то здесь живут. Нужно только с ними как-то найти контакт».

Управившись с делами в городе, пошел я назад – уже в одиночку. Добрался до озера, думаю: «Если пойду по тропе – наверняка собьюсь, уйду в сторону. По воде проще будет переправиться». Сделал примитивный плот, сел на него и поплыл. Когда уже вроде бы решил, что переправился благополучно, постигло меня неожиданное бедствие. Пристал к другому берегу, а там оказался «плывун» – мокрый песок, который сносит река в озеро. Только я высадился с плота на берег, вступил на этот водянистый песок – сразу же погрузился в него с рюкзаком по пояс. И все. Ни туда, ни сюда. И выбраться не могу, и рюкзак сбросить жалко...

Не знаю, чем бы закончилось мое «приключение», если бы не увидел меня один местный рыбак, который по случаю оказался невдалеке. Он сразу же сообразил, что надо сделать – набрал жердей, набросал их мне. Слава Богу, вылез я из этой топи.

Речка не пускает

Месяца через полтора уровень воды в реке заметно упал, и все чаще стали появляться рыболовы и туристы. Начали мы тогда с Михаилом подумывать о том, чтобы отправиться дальше в горы на бóльшее уединение. Долго не решались, но потом все-таки собрались и пошли.

Наш путь пролегал вверх по течению реки. Но поскольку русло ее постоянно петляет по ущелью, и пологий берег зачастую сменяется отвесными скалами, то идти все время по одной стороне невозможно. Потому приходится этот бушующий водный поток переходить туда-сюда много раз. Несколько таких переходов мы миновали благополучно. Но в одном месте – никак, «застряли» капитально. Впереди нас шло четверо парнишек лет по шестнадцать, они прошли. А мы что только не делали: и так, и этак... Воды чуть выше колена, а перейти не можем – сбивает с ног, и все. Раз десять пытались – безуспешно. Видим: те ребята все перешли, а мы старше, крепче их, и ростом повыше, а перейти не можем.

Горная река

Был у нас с собой туристический набор – топорик, ножовка, лопатка. Решили мы спилить дерево с тем расчетом, чтобы оно упало и образовало мостик. Выбрали на берегу средних размеров ольху, сантиметров 20-25 в диаметре. Спилили ее, она упала. Но не успели мы к ней подойти, как ее подмыло течением, и она уплыла. Сильно мы, конечно, огорчились...

Что делать? Начали молиться. Помолились. Потом прочитали главу из Евангелия от Луки. Там нам встретились такие слова: «*Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову*» (Лк. 9, 58). Прочитав это, мы сразу успокоились – вся скорбь у нас прошла. Оказывается, все очень просто. Если даже Сын Человеческий не имел, где приклонить голову, что нам безпокоиться? Ведь каждый христианин должен хоть в чем-то в жизни уподобиться Христу. Посидим и мы без крыши под целлофаном. Если не получилось пройти дальше, значит, так угодно Богу. Он все видит и все знает – что нам полезно, то и устроит. И, несомненно, печется и промышляет о нас.

Рассудив так, мы со спокойным сердцем вернулись на прежнее место.

«Темнолицый». Странные туристы

Как-то раз, когда я ходил за грибами, к Михаилу пришел один из местных – тот, которого монах Меркурий в своей книге называет «темнолицым». Начал интересоваться, расспрашивать, кто мы такие. Потом говорит: «Пойдемте ко мне. У меня в горах есть пасека, будете там жить. Я вас снабжу всем необходимым, построю вам келию...» Михаил молча выслушал его, но ничего не ответил. Когда я вернулся, он мне все рассказал. В то время мы еще не имели опыта, не знали всех сложностей монашеского жития в горах, однако при этом сразу почувствовали что-то неладное – некую тревожную настороженность: «Не надо, не надо». Видать, не от доброго намерения делалось нам такое лестное предложение...

Впоследствии мы убедились, что в жизни ничего не бывает случайного, ничего не происходит «просто так». У Бога все имеет свое время, свое назначение и цель. Как мы потом поняли, одной из причин, по которой Господь не допустил нам пройти дальше по реке, было промыслительное сохранение нас от зависимости этому человеку. Та территория, куда мы намеревались идти, была его охотничьим участком. «Темнолицый» непременно обнаружил бы нас, и последствия были бы плачевными.[3]

А другая причина препятствия заключалась, видимо, в том, что нам

[3] В книге монаха Меркурия «В горах Кавказа» об этом человеке говорится довольно много. Тот, кто читал книгу о. Меркурия, поймет, о чем идет речь. Наглядно ситуацию может пояснить следующий случай. Года за два до нашего прихода в пустынь «темнолицый» – звали его Сванидзе Александр – пригнал к келии одного монаха своих свиней, чтобы те собирали падающие каштаны, а ночевали у монаха под келией (поскольку она стояла на косогоре на сваях, то под полом было пространство около метра). Думаю, нетрудно догадаться, что значит иметь «квартирантами» под полом свиней. И когда монах отказался от такого «поручения», то в ответ услышал: «Слюшай: у тебя лоб большой, а мой пуля – маленький! Понял?!!» И пришлось монаху оставить свое жилище и перейти в другое место *(прим. автора)*.

нужно было приобщиться настоящему – преемственному – монашескому житию. Поскольку мы были люди мирские, не имели представления о правильной духовной жизни, о правильном подвиге, нам нужно было всему этому учиться. Потому Господь и не допустил уйти нам на уединение вглубь гор, а сблизил с тамошними монахами, чтобы мы усваивали традиционную монашескую жизнь в братстве.

Примечательно, что монахов я искал на горе, противоположной той, на которой они жили. И хотя мне приходила иногда мысль: «Может, надо подняться вот на эту гору?» – так ни разу на нее и не поднялся. Мне почему-то казалось, что противоположная гора более пригодна для жительства, т.к. там солнечная сторона. Солнце, когда восходит, светит на ту гору, вот туда я и лез. А надо было искать на другой горе, куда солнце светит, когда находится на западе. На той-то стороне и жили монахи. Кстати, как потом выяснилось, они видели наш костер, который долгое время горел в одном месте. Когда мы уже потом встретились с ними, они нам сказали: «А мы думаем: кто там сидит? Все время костер горит...Что за туристы такие странные, что на одном месте так долго сидят?» А мы их дыма не видели. Хотя потом, когда я пошел однажды к схимонаху Василию, я увидел с реки дым на их горе, когда они топили печку. А тогда на реке мы так долго сидели, смотрели на эти горы, и ни разу не видели монашеского дыма.

Потом мы уже поняли, что все это было промыслительным действием Божиим. Господь как бы держал нас в таком неведении по Своему премудрому усмотрению, испытывая наше доброе произволение. Для начала нам нужно было пожить «под кустом», а не под крышей (когда все наши «удобства» сводились к двум кускам целлофана 1,5 х 1,5 м). Нужно было предельно (вынужденно и произвольно) попоститься. Вплотную познакомиться с «подножным кормом». Прочитать Библию. Отрешенно и искренно помолиться о спасении своей души. Деятельно усвоить понятие, что во всех обстоятельствах жизни должно предаваться в руки Божии. Одним словом, необходимо было практически укрепиться в вере и надежде на Бога, Который *«вчера и сегодня и во веки Тот же»* (Евр. 13, 8), и Которому слава и благодарение подобает от всея твари во веки веков.

Встреча с монахами. В беде: катамаран тонет. Пустая келия

Однажды я шел по тропе и увидел, что навстречу идут два человека. Сначала я подумал, что это туристы. Поздоровался, кивнул им головой, они – мне, и мы разошлись. Они пошли вниз, в сторону селения, а я – вверх. Отойдя от них на несколько шагов, я обернулся и посмотрел им вслед. Вижу – у них подобраны волосы. «А-а, – думаю, – так делают священники. Наверное, это монахи». Прошел еще немного: «Нет, – думаю, – надо все-таки с ними переговорить. Такая возможность – и вдруг я пройду мимо». Бросил рюкзак в кусты, догнал их, спрашиваю:

– Ребята, вы верующие?

Они удивились, но ответили утвердительно:

– Верующие.

Я уж не дерзнул задать вопрос напрямую «монахи вы или нет» – и так понял, что монахи. Тогда, не зная, с чего мне начать с ними разговор, спросил, что пришло в голову:

– А вы Юрия знаете?

– Юрия? А ты его знаешь?

Ответить «нет» выглядело бы совсем глупо, говорю:

– Знаю...

– А кого ты еще знаешь?

– Аввакума знаю... того-то, того-то знаю... – и начал перечислять, кого запомнил по рассказу того охотника, с которым недавно шел по тропе.

Братья очень удивились, что какой-то турист знает монахов.

Переговорили мы с ними еще, и они, наверное, поняли, что я иду к Юрию, но плохо знаю дорогу, и потому их спрашиваю. В самом деле: я ведь с рюкзаком шел вверх по направлению к Юриной келье. Тогда они посоветовались между собой, и один пошел вниз по своему маршруту, а другой решил вернуться со мной и пойти проводить меня наверх к Юрию. Но я сказал, что я не один, со мной еще брат, с которым я сюда приехал, и что он сейчас находится за озером на речке. Мой попутчик, которого звали Олегом, подумал и говорит: «Ну, тогда пойдем к вам». И мы пошли в наш балаган.

Когда мы пришли к озеру, было уже темно. Нужно было переправляться, потому что наш с Михаилом балаган находился на другой стороне. Подошли, смотрим: на берегу – туристы. Костер горит, катамаран возле берега на «приколе» стоит, но сами они уже спят. Мы уже не стали их будить, спрашивать разрешения взять катамаран (он все равно был безхозным – для общего пользования[4]). Отвязали его, сели и поплыли.

Естественно, Олега интересовало, кто мы такие и можно ли нас вести к Юрию. Он начал задавать мне разные вопросы, расспрашивать кто мы, откуда, чем занимаемся, какое образование... – как говорится, выпытывать «паспортные данные». Я понял это и стал уклоняться от ответов. Ну, тоже ведь первый раз его вижу: кто он и что он – не знаю...

И вот когда мы плыли, все наше внимание было сосредоточено на разговоре. А то, как плывет наш катамаран – то туда, то сюда виляет, «восьмерки» выписывает, на это мы не обращали внимания. А, как известно, ночью с гор дует ветер – холодный воздух спускается вниз. И он поднимает на озере волны. И когда наш катамаран подставлял под эти волны свой бок, они перехлестывали через него, и наполняли водой одно из корыт. А поскольку было темно, мы этого не видели. Итак, мы разводили «тра-ля-ля», а одно из корыт наполнялось и наполнялось. По мере того, как оно наполнялось, то опускалось все ниже и ниже, и волны еще больше его заливали. И в один прекрасный момент – «бульк!» – и корыто оказалось под водой. Катамаран резко накренился. Мы – в ужасе... Я сразу же прыгнул в воду. Кричу Олегу:

– Прыгай, потому что потонем совсем!

– А я, – отвечает, – плавать не умею.

– Все равно прыгай, потому что сейчас наполнится второе корыто, и катамаран потонет!

– Как потонет?! У меня там рюкзак, а в нем документы!

---

[4] Катамаран представлял собой две небольшие, выдолбленные из бревен лодки наподобие корыт, скрепленные между собой тремя досками *(прим. автора)*.

– Тогда прыгай!

Делать нечего – прыгнул. Думаю, он же плавать не умеет, говорю:

– Держись за корыто, которое не потонуло.

И вот он держится за корыто, а я толкаю это корыто и Олега, и все, что на катамаране к берегу. Ну, естественно в ботинках, в куртке. Доплыли с катамараном до берега. А берег в том месте глинистый, крутой... на глину встанешь, а она под ногами «едет» (потому что мы ж все мокрые, вода с нас течет)... Долго мы там барахтались, потом все же кое-как вылезли. Но пока мы вылезали, катамаран уплыл – волны отогнали его снова в озеро. Поскольку Олег плавать не умеет, нужно было лезть мне. Я снова бултыхнулся в воду, и туда, к катамарану. Вдруг судорога свела ноги. Я взмолился: «Господи, помоги!» – потому что можно потонуть запросто. Если ноги скорченные, то уже плыть не будешь. Слава Богу, судорога отпустила, я вылез на берег, растер ноги – и обратно в воду. Доплыл до катамарана, притолкал его к берегу. Достали мы из него свои рюкзаки, подняли их немножко наверх и спрятали за каким-то корчем, чтобы не нести ночью. Достали фонарики и пошли, но уже не к нам, а в келью к Олегу, потому что после такого «приключения» продолжать путь к нашему балагану было уже безсмысленно, да и невозможно.

По дороге я рассказал Олегу о себе более подробно. Признался ему, что мы с другом пришли сюда из мира насовсем, хотим здесь жить постоянно, и что нам нужна келия. Тогда Олег понял, что нам не Юрий нужен, а нужна просто келия. И часа в три ночи, когда мы поднялись на полянку, он сказал: «Вот здесь есть пустая келия». Мы ее осмотрели и пошли дальше. Дошли до Олега, обогрелись, обсушились, а утром отправились за рюкзаками.

На новом месте

Без сомнения, это был Промысл Божий. Я был настолько рад случившемуся, что уже не понес свои вещи в наш балаган на речку – оставил их у Олега, а сам отправился порожняком.

Пришел, рассказал Михаилу, что встретился с монахами, что они мне показали пустую келию, и что можно уже переходить туда жить. «Ну, вот, слава Богу, – ответил Михаил, – я так и думал, что Господь нас как-то устроит».

Собрали мы свои пожитки и перешли с речки на новое место.

Пустая келия располагалась на ровной, красивой поляне (раньше в том месте жили приозерные монахини, о которых повествует монах Меркурий). Напротив стояла старая яблоня-дичка, немного в стороне –

большая дикая груша. Что касается самой постройки – она находилась в довольно неприглядном состоянии. Но мы и ей были рады, потому что наступала осень, и нужно было как-то определяться на зиму. Давно мы уже задумывались об этом – целлофановый балаган явно не годился для зимовки – ходили по берегам реки, искали место, где можно было бы построить какое-нибудь более подходящее жилье. Но все наши попытки оканчивались неудачами, т.к. берег везде крутой, ровных площадок нет – келии не поставишь. А потому, на фоне всех этих неудач, то, что мы сейчас имели, было для нас просто даром Божиим.

Занялись мы ремонтом своего нового жилища. Стекол в окнах не было. В полу зияли такие большие щели, что во время ненастья оттуда просто «сифонило». Печка хоть и была, но без трубы. Сделали мы все, что смогли. Вместо стекол натянули целлофан. Пол, стены, потолок утеплили мхом и промазали глиной. А трубу за неимением железа соорудили деревянную. И слава Богу – сколько мы там прожили, ни разу она не загорелась.

Пустынное братство

Начали мы постепенно знакомиться с тамошней братией. Недалеко жили два иеромонаха и пять послушников по разным келиям. Узнав о прибытии «новеньких», братья заходили, интересовались: кто мы, откуда. Задавали разные вопросы. Помимо всего прочего, они задали нам главный вопрос:

– Вот вы пришли в пустыню. А есть ли у вас на это благословение?

Мы ответили, что имеем благословение от прозорливого старца Иоанна Почаевского, и в том, что есть воля Божия жить нам в пустыне, не сомневаемся.

– Ну, хорошо, – сказали отцы, – живите. Но с одним условием: вам нужно обязательно съездить в Сухуми к схиархимандриту Серафиму (Романцову), нашему старцу, и взять еще и у него благословение, поскольку он – старец пустыни. Без его благословения вам жить здесь не положено.

Думаю, не лишним будет пояснить причину такого настойчивого требования. Во-первых, в монашеской жизни ничего не предпринимается по своей воле, а только по благословению. А во-вторых, во всяком деле важна традиция. Если это ценно даже по отношению к делам мирским, то тем паче, по отношению к жизни духовной. Пренебрегающие этим важным моментом могут потерпеть ущерб – порой весьма серьезный. Много скорбных примеров в этом отношении знает история Церкви, немало пришлось видеть их и нам на протяжении нашего жительства в пустыне. А потому вполне понятно, почему братья-монахи, подвизающиеся в тех местах, столь ревностно наблюдали за соблюдением этого важного правила.

Вообще традиция монашеского пустынножительства на Кавказе имеет очень древние корни.[5] Но чтобы не вдаваться в глубокую историю, можно лишь сказать, что основное русло кавказского пустынножительства имеет своим происхождением староафонскую традицию. Именно монахи Старого (греческого) Афона возродили в XIX веке в

[5] К примеру, есть сведения, что еще в 655-660 гг. на территории современной Абхазии в урочище под названием Алушта жили ученики прп. Максима Исповедника *(прим. автора)*.

кавказских горах веками существовавшее там отшельничество – один из разновидностей монашеского подвига.

Революция 1917 года и последующие гонения на Церковь не только не ослабили этого направления, но и усилили его. Монахи Ново-Афонской обители (многие – после тюрем и ссылок) окончили дни своей земной жизни в пустыне. Также и многочисленные монастыри Святой Руси, претерпев разрушение от безбожных властей, дали Кавказу немало опытных подвижников, которые, в свою очередь, воспитали несколько новых поколений монахов-отшельников. Наиболее в этом отношении прославились старцы Глинской пустыни. Схиархимандрит Серафим (Романцов) был одним из них. Все благонамеренное пустынное братство объединилось вокруг его старческого руководства, поскольку батюшка был, без сомнения, благодатным старцем и у него имелся большой опыт духовничества. В свое время он был монастырским духовником, а теперь стал «старцем пустыни».

Старец пустыни схиархимандрит Серафим (Романцов)

Нам, конечно, не хотелось ехать в Сухуми – думали, как бы пред Богом это не вменилось нам в «возвращение вспять». Но потом, подумав и рассудив, мы согласились с тем, что съездить за благословением все-таки надо: ведь это будет не возвращением вспять, а только дополнительным утверждением в отречении от мира.

Посоветовавшись, решили, что Михаилу можно остаться в келии, а мне одному поехать. Приехал я в город, нашел дом отца Серафима, и меня провели в келию к старцу. Рассказал я вкратце, кто мы и откуда. Сказал, что «вот мы приехали из Киева, я и такой-то брат, мы ровесники, хотим жить здесь в пустыне – как Вы благословите?» Батюшка выслушал и говорит: «Бог благословит, и я благословляю! Бог благословит, и я благословляю! Бог благословит, и я благословляю! Поживите».

Когда я это услышал, то очень обрадовался, что такой известный старец нас тоже благословил на такой образ жизни. Ведь по человеческим соображениям поселиться нам в пустыне было небезопасно. Молодые, неопытные, только что из мира, монастырской практики не имели (искуса не проходили), святых отцов читали мало, Священное Писание тоже... И жить в горах, тем более обособленно от остальных братий (до ближних келий было около часа ходьбы) было весьма-таки небезопасно – почти невозможно. Однако мы видели такой чудный Промысл о себе, столько милостей Господних, поэтому не сомневались в воле Божией о нашем жительстве здесь. И благословение старца Серафима еще раз подтвердило это.

С тех пор мы почувствовали, что для нас началась новая жизнь – жизнь ради Бога, ради спасения своей души. Началась переоценка ценностей, формирование нового мировоззрения – уже не в теории, а на практике. Сердце радовалось о Господе, а внешние неудобства переносились легко. Все они казались настолько малозначащими, что, помнится, я долго не мог понять: в чем же состоит скорбность скорбей, если христианин все терпит ради Бога?..[6]

Монашеская наука

Начали мы потихоньку вливаться в русло монашеской жизни.

Особенного, конечно, ничего не было. Учились молиться, больше – по четкам. Начали изучать церковно-славянский язык. Вычитывали церковную службу, читали Священное Писание, святых отцов. У Михаила было плохое зрение, поэтому читать приходилось в основном мне. А книги нам давали тамошние отцы и братия.

Много внимания мы уделяли рассуждению. К примеру, прочитав главу из Евангелия, мы рассуждали: каким образом то или иное евангельское изречение может быть применимо к нашей жизни. Прочитав Апостольские послания, делали такой же разбор. Рассуждали, что применимо, а что не применимо к нашей ситуации, что мы можем исполнить в данный момент нашей жизни, а что нет. Допустим, принимать нам милостыню или не принимать, заниматься рукоделием или не заниматься... Все такие вопросы мы решали на основании Священного Писания и святоотеческих изречений. Но для того, чтобы применить какой-либо пример на практике, нужен был взаимный братский совет. Как говорят: «Семь раз отмерь, один – отрежь». А потому свои решения мы проверяли в совете с тамошними отцами и братиями. Но если мы уже на чем-то останавливались, то делали это своим законом и старались исполнять в своей дальнейшей жизни.

Часто, почти каждый день, общались мы с братьями-монахами, т.к. около нашей кельи был источник, из которого они брали воду. От них мы учились молитве, посту и прочим монашеским добродетелям. Особо мы благодарны иеромонаху Гавриилу (ныне уже покойному), который учил нас исполнению церковного устава и суточного богослужебного круга, а также объяснял некоторые моменты делания Иисусовой молитвы. У него мы начали исповедоваться, причащаться. Позже мы начали общаться со всеми пустынниками, жившими в тех местах, пытаясь перенимать у них опыт монашеской жизни.

Как мы поняли позже, самое важное и самое трудное в монашеской науке – переменить все свое мировосприятие, весь прежний образ мыслей и желаний с плотского на духовный. По слову преподобного Исаии Отшельника, в деле спасения каждому из нас необходимо «перемениться в уме своем и собрать к Богу все помышления свои», т.е. необходимо учиться смотреть на все обстоятельства нашей жизни духовно. Вот эту-то нелегкую, но спасительную науку мы и начали постепенно постигать с Божией помощью.

(Продолжение следует)

---

[6] Позже я все-таки понял, в чем же состоит «скорбность» скорбей. Просто наше сластолюбие не дает нам нести свой крест со смирением и благодарностью Богу. Как сказал один старый монах: «Сначала мы решаемся идти к Богу кратким, но трудным путем. А потом начинаем изобретать разные варианты, как этот путь пройти более легко, без особого напряга, без терпения чего-то неприятного, без понуждения себя на борьбу со своими страстями». То есть, скорби наши становятся тягостны нам только по причине нашего сластолюбия. Само это расположение, не хотение что-то терпеть, делает наши скорби тягостными. А если мы с радостью желаем потерпеть что-то ради Господа, претерпевшего за нас крестные муки, тогда все неприятное и тягостное переносится легко *(прим. автора)*.

Православные мысли на каждый день

НЕ БОЙТЕСЬ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

"Довольно для каждого дня своей заботы" (Мф. 6, 34)

Не страшитесь заранее своей слабости, *довольно для каждого дня своей заботы.* Не бойтесь завтрашнего дня: завтрашний день сам о себе позаботится. Тот, Кто сегодня послал вам мир душевный, Тому все возможно, Он не откажет вам и завтра в этом мире. Не искушайте самих себя заботой о будущих испытаниях, которые еще не наступили. Не поддавайтесь никаким опасениям, не заглядывайте вперед. Не делайте никакого усилия, чтобы угадать будущее, но отгоните подальше от себя всякий страх верою в Господа и упованием на своевременную помощь Его.

Отдавайтесь во всем и всецело Господу в полной вере, что вместе с испытанием Он пошлет вам и силу, достаточную, чтобы его перенести, – Господь *"восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему во славе"* (Флп. 4, 19). Предоставьте все Ему; взявшись за плуг, не озирайтесь назад, не останавливайтесь на подробностях; имейте мужество, доверившись во всем Ему, ожидать спокойно, с полным упованием и с полною покорностью, чтобы воля Его совершилась.

Помните, что сила дается не на завтрашний, а на сегодняшний крест. Один человек, глубоко удрученный, поведал другому свои заботы и спросил: "Почему мне так ужасно тяжело?" "Потому, – ответил тот, – что ты вместе с настоящей ношей захватил и будущую, и несешь эту и будущую ношу своей силой, не Божией".

Своя сила гнетет беспомощностью, а Божия сила поднимает всемогуществом.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Рассказ

Наша семья жила под Москвой, в Ново-Гиреево, там у нас был свой дом, а Богу молиться мы в Никольское ездили или в Перово, в свой же приходский храм не ходили — батюшка не нравился, и диакон тоже. Потом батюшка умер, а вскоре за ним и диакон, к нам же прислали нового священника, отца Петра Константинова.

Слышим от знакомых, что батюшка хороший, усердный. Когда он первый раз в храм вошел и огляделся, то только головой покачал, потом велел сторожихе воды нагреть и, подогнув полы подрясника, принялся алтарь мыть и убирать. Даже полы там своими руками вымыл, потом попросил на другой день прихожан собраться и помочь ему храм привести в надлежащий вид. Нам такой рассказ понравился, и в первую же субботу мама пошла ко всенощной посмотреть нового батюшку.

Вернулась довольная, говорит:

— Хороший батюшка, Бога любит!

После этого вслед за мамой и мы все начали ходить в свой храм, а сестра пошла петь на клирос.

Потом мы с отцом Петром подружились, и он стал нашим частым гостем. Был он не очень ученый, но добрый, чистый сердцем, отзывчивый на чужое горе, а уж что касается его веры, то она у него была несокрушимой. Женат он не был.

— Не успел. Пока выбирал да собирался, невесты замуж все повыходили, — шутил он.

Снимал он в Ново-Гиреево комнату и жил небогато, но нужды не знал. Как-то долго его у нас не было, и, когда он, наконец, пришел, мама спросила:

— Что же Вы нас, отец Петр, забыли?

— Да гость у меня был, епископ. Только-только из лагеря вернулся и приехал прямо в Москву хлопотать о восстановлении. Родных у него нет, знакомых в Москве тоже не нашел, а меня немного знал, вот и попросил приютить.

А уж вернулся какой! Старые брюки на нем, куртка рваная, на голове кепка, и сапоги каши просят, — и это все его имение. А на дворе декабрь месяц!

Одел я его, обул, валенки купил новые, подрясник свой теплый отдал, деньжонок немного, и вот три недели он у меня жил; на одной койке спали, другой хозяйка не дала. Подкормил я его немного, а то он от ветра шатался, а вчера проводил: назначение дали.

Уж как благодарил меня. «Никогда, — говорит, — твоей доброты не забуду». Да! Привел меня Господь такому большому человеку послужить!

Прошло полгода, и отца Петра ночью взяли. Был 1937 год. Потом его сослали на 10 лет в концлагерь. Вначале духовные дети ему помогали и отсылали посылки с вещами и продуктами, но когда началась война, о нем позабыли, а когда вспомнили, посылать было нечего:

все голодали. Редко-редко с большим трудом люди набирали посылки, а потом распространился слух, что отец Петр умер. Но он был жив и страдал от голода и болезней. В конце 1944 года его, еле живого, выпустили и дали направление в Ташкент.

— ...Ехал я в Ташкент, — вспоминал потом отец Петр, — и думал: «Там тепло, дай продам свой ватник и хлеба куплю, а то есть до смерти хочется». А дорога длинная, конца нет, на станциях все втридорога, и деньги вмиг вышли. Снял с себя белье и тоже продал, а сам в одном костюме из бумажной материи остался. Холодно, но терплю — доеду скоро. Добрался до Ташкента и скорей пошел в Церковное Управление; говорю, что я — священник, и прошу хоть какой-нибудь работы, а на меня только руками замахали:

— Много вас таких ходит, предъяви сначала документы. Я им объясняю, что только из лагеря прибыл, что документы в Москве, и я их не успел запросить, и опять прошу любую работу дать, чтобы не умереть с голода до того времени, пока документы придут.

Не слушают — выгнали. Что делать? Пошел у людей приюта просить. На улице-то ведь зима.

— Ты, — говорят, — вшивый, и того... умереть можешь! Что с тобой, мертвым, делать? Иди к себе!

Встал я на паперти в кладбищенском храме с нищими, чтобы хоть на кусок хлеба попросить — побили меня нищие:

— Уходи прочь! Не наш! Самим мало подают!

Заплакал я с горя. В лагере и то лучше было. Плачу и молюсь:

— Матерь Божия, спаси меня!

Наконец, упросил одну женщину, и она запустила меня в хлев, где у нее свинья была, так я со свиньей вместе и жил, и часто у нее из ведра еду таскал.

А в церковь кладбищенскую каждый день ходил и все молился; не в самой церкви, конечно, туда бы меня не впустили, потому что я весь грязный был, рваный, колени голые светятся, на ногах опорки старые, а главное — вшей на мне была тьма.

Вот как-то слышу — нищие говорят, что приехал Владыка Н...й и сегодня вечером на кладбище будет служить. «Господи! — думаю, — неужели это тот Владыка, которого я у себя в Гиреево привечал? Если он, попрошу у него помощи, может быть, старые хлеб-соль вспомнит».

Весь день я сам не свой ходил, волновался очень, а вечером раньше всех к храму пришел. Жду, а сердце колотится: он или не он? Признает или нет? Молюсь стою.

Подъехала машина, вышел Владыка. Смотрю — он! Тут я все на свете забыл, сквозь народ прорвался и не своим голосом кричу:

— Владыка, спасите!

Он остановился, посмотрел на меня и говорит:

— Не узнаю!

Как сказал, так народ давай меня взашей гнать, а я еще сильнее кричу:

— Это я, отец Петр из Ново-Гиреево!

Владыка посмотрел на меня, всмотрелся, слезы у него на глазах показались, и сказал:

— Узнаю теперь. Стойте здесь, сейчас келейника пришлю, — и вошел в храм.

А я стою, трясусь и плачу. Народ меня окружил, давай расспрашивать, а я и говорить-то не могу. Тут вышел келейник и кричит:

— Кто здесь отец Петр из Ново-Гиреево?

Я отозвался. Подает он мне деньги и говорит:

— Владыка просит Вас вымыться, переодеться и завтра после обедни прийти к нему!

Тут уж народ поверил, что я и вправду священник. Кое-кто начал к себе звать, но подошла та женщина, у которой я в золушке жил, и позвала меня к себе.

Истопила черную баньку и пустила меня туда помыться. Пока я мылся, она пошла и у знакомых на владыкины деньги купила мне белье и одежду. Потом отвела меня в комнату маленькую с кроватью и столиком.

Лег я на чистое, сам чистый, и заплакал:

— Царица Небесная, слава Тебе!

Благодаря стараниям Владыки отец Петр был восстановлен в своих правах священника и назначен вторым священником в тот самый кладбищенский храм, от паперти которого его гнали нищие.

Впоследствии нищая братия очень его полюбила за простоту и щедрость. Всех он знал по именам, интересовался их бедами и радостями и помогал им, сколько мог.

Один раз, когда я приехал к отцу Петру в отпуск, мы шли с ним красивым ташкентским бульваром. Проходя мимо одного из стоявших там диванчиков, мы увидели на нем измученного, оборванного человека. Обращаясь к отцу Петру, он неуверенно сказал:

— Помогите, батюшка, я из заключения.

Отец Петр остановился, оглядел оборванца, потом строго сказал мне:

— Отойди в сторону!

Я отошел, но мне было видно, как отец Петр вытащил из кармана бумажник и подал просящему.

Мне стало неловко наблюдать эту сцену, и я отвернулся, но мне был слышен приглушенный рыданием голос:

— Спасибо, отец, спасибо! Спасли Вы меня. Награди Вас Господи!

«ЛИЛИИ ПОЛЕВЫЕ»

Христианская поэзия

ДА СЛАВИТСЯ ВЕЧНО ХРИСТА ТОРЖЕСТВО!

Рождественский снег окутал все шалью...
Леса и равнины блестящей вуалью.
Узором снежинок сверкает стекло,
А в храме от свечек тепло и светло.
Сияют лампады, украшены ели.
Все празднику рады, и даже метели
Поют и танцуют в торжественном вальсе.
Все люди ликуют от этого счастья.
Пусть радость пребудет всегда в Рождество,
Да славится вечно Христа торжество!

Марина Невская. г. Воронеж

Болит душа земною суетой...
О, Господи! Как мы слепы бываем!
Порой, расставшись с истиной святой,
Мы ложь за правду Божью принимаем.

И в помраченьи грешного ума
Пред Богом не склоня свои колени,
Мы ищем свет!.. Но наступает тьма.
Мы ищем путь. Но в ложном направленьи.

Но вот, познав и горечь суеты,
И боль обид, и тщетность изысканий,
Мы падаем и молим: «Где же Ты?!
Почто оставил нас на растерзанье?

Зачем ушел, оставив в темноте,
Унес с Собой свет Истины и Слово?
Ведь мы одни, и каждый — на кресте!
Но на кресте греховного, земного.

Почто же бросил и покинул нас?!
На горестный призыв не отозвался?..»
Но вдруг раздался рядом тихий глас:
«Я никуда от вас не отлучался...»

Инокиня Любовь (Коновалова)

ПО ДОРОГЕ В ЗАДОНСКИЙ СКИТ

В объятьях снежной тишины
Стояли строгие деревья.
И полусонные деревни
С дороги были чуть слышны
Мы ехали в Задонский скит.
Поля, густые перелески...
Казалось, что природа спит,
Когда за поворотом резким
Услышали со всех сторон:
Динь-дон, динь-дон — церковный звон.
И воздух задрожал окрест,
С деревьев падал снег клоками,
И высоко под облаками
Плыл в небо православный крест.

Тамара Романова

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ

На Крещенскую ночь
падал хлопьями снег.
Освящённой водой
брызгал батюшка всех.

Исцеленья просящих
пришло полон храм!..
Только жертвенный ящик
не нужен был там...

Нищий руку подал,
а вокруг — суета...
И никто не слыхал:
— Дайте ради Христа!..

За святою водою
весь город стоял.
Позабыв про святое,
толкался, кричал...

И, когда это всё
Сам Господь увидал,
хлопья снега с дождем
Он на землю послал.

На рассвете пурга
улеглась, и домой
разбрелася толпа
с чудотворной водой.

По пустому двору
лишь Убогий ходил...
Подошли бы к нему —
он бы всех исцелил.

У купели священной
свеча оплыла...
Долго ночи Крещенской
я забыть не могла.

Любовь Антипова, г. Нововоронеж

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь,
тел. 2-49-55. *Выходит с 2000 г. Тираж 5000 экз.*
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство *ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.*

Спасение из огня

Давняя эта история. Произошла она в начале прошлого века накануне Рождества.

На хуторе, вдали от деревни, жила большая крестьянская семья. Папа еще утром уехал на лошади в город. Мама и дети – мал мала меньше – собрались у домашнего очага. Мама готовилась к

празднику. Дети слушали потрескивание поленьев в печке и мечтали о подарках.

Быстро темнело. Домашние стали беспокоиться: папа обещал вернуться засветло, а его все нет и нет. Зимой же всякое случается. Вон метель как разыгралась, да и волки в эту пору могут на человека напасть. И конечно, все боялись разбойника Мишки Петрова, который грабил, а иногда и убивал людей в окрестных лесах.

Напряжение нарастало. Маленькая Лиза не выдержала и спросила:

– Почему папы так долго нет?

Что могла ответить мама? Уж кто-кто, а она-то представляла всю опасность, зная, что муж должен был привезти большую сумму денег.

Вой метели стих. В тишине ожидание стало еще томительней. И тут старший, двенадцатилетний Федя, предложил:

– Мама, давай я поднимусь на холм. Может, услышу звон колокольчиков на папиных санях.

– Иди, мой мальчик, – перекрестила его мать. – И пусть Господь сохранит тебя.

Федя выскочил во двор. Он не боялся ни темноты, ни волков, ни разбойников, ибо верил, что Христос всегда защитит его. С вершины холма на дороге ничего не было видно, не звенели и знакомые колокольчики. Федя встал на колени:

– Господи, помоги моему папе вернуться домой. Спаси его и от волков, и от Мишки Петрова. Спаси и самого Мишку. Он несчастный, потому что не узнал Тебя. Не знает, как Ты всех любишь, любишь и его. Боже, спаси Мишку.

Мальчик встал и пошел к дому. Он не услышал чей-то глубокий вздох, почти стон, прозвучавший ему вслед.

Вскоре вернулся папа, и вся семья радостно встретила Рождество.

А спустя несколько дней в дверь постучал угрюмый мужчина и попросился на работу. На хуторе лишние руки нужны всегда, и его с удовольствием взяли. Работал он исправно, но был очень молчалив и вечером после ужина сразу уходил спать на сеновал.

Однажды ночью раздались крики. Хутор пылал. Вся семья, одеваясь на бегу, выскочила во двор. Не было только Феди, который спал на втором этаже и был сразу же отрезан огнем.

Казалось, что спасти его невозможно, но тут к дому подбежал работник с лестницей. Он приставил ее к шатающейся стене и, быстро поднявшись, бросился в огонь. Люди ахнули и стали молиться. Томительно тянулись секунды.

И вот, наконец, в проеме окна появился человек, прижимающий к груди Федю, завернутого в одеяло. Мальчик был невредим, но работник получил страшные ожоги.

Только под утро несчастный пришел в себя. Несмотря на страдания, лицо его было спокойно. Он попросил позвать Федю и, превозмогая боль, сказал ему:

– Я – Мишка Петров, разбойник. На Рождество я хотел ограбить твоего отца, но услышал, как ты молился за меня. Господь по твоей молитве совершил чудо: я раскаялся и начал новую жизнь.

Он перевел дыхание и продолжил:

– Федя, дай мне руку. Я спас тебя от огня земного, ты помолись, чтобы Господь спас меня от огня вечного.

Сказав это, он закрыл глаза и затих, а лицо его осветилось каким-то неземным светом.

Б. ГАНАГО.
«ДЕТЯМ О МОЛИТВЕ»

Видим зде, коль сладко и приятно человек упокоевается по трудах: тогда забывает всю свою скорбь и болезнь, в трудах подъятую: коль сладко и мирно упокоится душа святая в вечном животе, которая зде трудилася, боролася и подвизалася в деле благочестия, умножала таланты Господа своего, работала Господу своему со страхом и ближнему своему с любовью!

Святитель Тихон Задонский